18+

Валентина Парсаданова

Варшавское восстание 1944 г.

Движение Сопротивления в Польше 1939—1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты. Часть 2

Валентина Парсаданова

Варшавское восстание 1944 г. Движение Сопротивления в Польше 1939-1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты. Часть 2

Парсаданова В.

Варшавское восстание 1944 г. Движение Сопротивления в Польше 1939-1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты. Часть 2 / В. Парсаданова —

ISBN 978-5-44-907107-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.В книге показаны все направления польского антигитлеровского Сопротивления в годы Второй мировой войны, при особом внимании на Армию Крайову и Гвардию (Армию) Людову, проблемы 1944 г. Работа написана на основе подпольной печати, документов отечественных и зарубежных архивов и историографии проблемы, рассчитана на отечественных знатоков и любителей истории.

ISBN 978-5-44-907107-1

© Парсаданова В.

Содержание

Глава пятая. Противостояние в борьбе за власть в Польше, восстание в Варшаве 6
5.20. Армия Крайова и Армия Людова весной-летом 1944 г. 6
5.21. Начало освобождения Польши Красной армией от гитлеровской оккупации. Создание Польского комитета национального освобождения (ПКНО) 17
5.22. Накануне восстания. Положение на советско-германском фронте под Варшавой 26
5.23. Восстание в Варшаве началось: восставшие наступают (1 – 4 августа) 33
5.24. Визит Миколайчика в Москву (30 июля – 9 августа 1944 г.) 42
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Варшавское восстание 1944 г. Движение Сопротивления в Польше 1939-1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты. Часть 2

Валентина Парсаданова

© Валентина Парсаданова, 2018
ISBN 978-5-4490-7107-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В книге показаны все направления польского антигитлеровского Сопротивления в годы Второй мировой войны, при особом внимании на Армию Крайову и Гвардию (Армию) Людову, военные силы двух противоборствующих лагерей и их политическое руководство, цели борьбы, а также проблемы 1944 г. Работа написана на основе широкого круга источников, в том числе подпольной печати 1939 – 1945 гг., материалов из отечественных и зарубежных архивов и историографии проблемы. Работа рассчитана на отечественных знатоков и любителей истории.

Глава пятая. Противостояние в борьбе за власть в Польше, восстание в Варшаве (1 августа – 2 октября 1944 г.)

5.20. Армия Крайова и Армия Людова весной-летом 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования 12 апреля 1944 г. определила, что целями летне-осенней кампании 1944 г. будут: очистить территорию страны от немецко-фашистских захватчиков, восстановить государственную границу от Баренцева до Чёрного моря, выйти к границам Германии и начать освобождение оккупированных нацистами стран.

В 1941 г. в июле, напомним, вопрос о советско-польской границе был оставлен открытым. В декабре 1941 г., когда была установлена демаркационная линия между действиями советских и польских партизан, она проходила по линии границы 1921 г. Используя это обстоятельство, командование АК обращало на регион Западной Украины и Западной Белоруссии особое внимание, доказывая его «польскость». Но это же обстоятельство не мешало советской стороне считать регион советской территорией, частями воссоединенных территорий украинского и белорусского народов. Именно этот регион предстояло освобождать от нацистов в первую очередь. Готовиться к акции начали загодя, монтируя еще в условиях подполья с весны 1943 г. советское «подпольное» государство со всеми его атрибутами, подпольными обкомами и облисполкомами (в ряде случаев), госбезопасностью, разведкой, военными (партизанскими) силами, которые преобразовывались по образцу регулярной армии, как дивизия под командованием С. Ковпака, перешедшая под командование П. Вершигоры. В регионе надо было установить отношения с местными партизанскими отрядами разных направлений и национальностей – польскими, украинскими, белорусскими, литовскими и т. д.

Относительно Армии крайовой, надеясь еще урегулировать политические проблемы с польским правительством и не желая дополнительно осложнять отношения с союзниками, советская сторона первоначально действовала «по сложившимся обстоятельствам». 12 октября 1943 г. советское руководство получило сообщение, что главнокомандующий польской армией «с согласия правительства и президента дал инструкцию уполномоченному польского правительства в Польше готовиться к оказанию сопротивления Красной армии». Польские вооруженные силы должны в силу этих инструкций вести беспощадную борьбу с просоветским партизанским движением в Западной Украине и Западной Белоруссии, готовить всеобщее восстание в этих областях при вступлении туда Красной армии. Опять оговорка, что не все члены правительства поддержали это противостояние СССР и Польши. 27 ноября подготовленная инструкция по акции «Бужа» («Буря») была направлена в Варшаву руководству АК и делегатуре.

По завету Сикорского, Армии крайовой надлежало продемонстрировать Красной армии «польскость» Вильно и Львова. По замыслам создателей плана «Бужа» АК должна была «за пять минут» до прихода Красной армии напасть на арьергарды вермахта и создать условия для взятия власти в освобожденной местности органами делегатуры. В 1944 г. план модернизировали— теперь рекомендовалось захватить крупные населенные пункты, города и узлы транспорта и связи. Правые силы, связанные с НСЗ, подняли кампанию против даже разговоров о всеобщем антигитлеровском восстании в Польше. Дескать, в конкретных условиях оно будет выгодно только СССР. В результате возник разнобой в позициях правительства, делегатуры и командования АК: уходить за Буг или вступать в соглашение с Красной армией? Соснковский в итоге занял позицию не чинить препятствий Красной армии, пусть большевики

освобождают Польшу от немцев, а потом мы им покажем. Но единого мнения уже не было, как не было и единства позиций и безусловного подчинения части «низов» АК ее «верхам».

Советской стороне вопросы восстания в Польше не были новостью. О намерении организовать восстание говорил Сталину Сикорский в декабре 1941 г. В феврале 1943 г. о том же вел речь посол Т. Ромер в Кремле. Как было сказано, еще до конференции в Тегеране советские разведчики сообщили о плане восстания под наименованием «Бужа».

Суть корреспонденции между Варшавой и Лондоном была известна СССР: в лондонском центре кодов и шифров действовал член «Кембриджской пятерки» Джон Кернкросс. (Приходится констатировать, что в этом же центре перехватывали переговоры по радио Красной армии в Праге и в других освобожденных районах Польши.)

Советская разведка имела контакты в командовании АК, в делегатуре и даже в эмигрантском правительстве. В архивах РФ имеется достаточно полное досье радиоперехвата переговоров отрядов АК на местах с командованием в центре и между отрядами.

Миколайчик 31 июля 1944 г. сказал Молотову, что польское правительство просило своего английского союзника сообщить в Москву о плане «Бужа». Достаточно верных сведений о его передаче у автора нет, кроме уже процитированного послания Черчилля Сталину о том, как будут о себе заявлять подпольные власти делегатуры. В подтверждение тезиса об умолчании английской стороны свидетельствует нотная переписка НКИД и Foreign Office в августе-сентябре 1944г.

Противодействовать логике ведения войны руководство «лондонского» лагеря, однако, не смогло. Комендант АК 12 января 1944 г. издал приказ, в котором, по сообщению газеты «WRN», говорилось: «В настоящий момент повторного переноса фронта в наши государственные границы мы не отказываем советским армиям, вступающим в Польшу, в войне на наших землях. Напротив, борьбу эту Армия крайова поддержит в меру наших сил и государственных интересов в рамках решения правительства республики и приказов главнокомандующего. Но Польша не поддается политическому давлению, отвергает попытки лишить ее свободы организации национальной и государственной жизни в соответствии с собственными политическими и общественными идеалами».

Инструкция правительства делегатуре предписывала создание двух «комплектов» властей. Один с приходом Красной армии выходит из подполья, другой —остается в конспирации и продолжает борьбу.

Рада едности народовой и делегат опубликовали заявление о вступлении советских войск в Польшу. В нем говорилось, что, хотя войска СССР вступили на территорию страны без согласия польского правительства, они сражаются с общим врагом —Германией, поэтому относиться к ним надо лояльно, «пока действия их будут согласовываться с международным правом». Но в этом же документе говорилось о непризнании никаких «самозваных правительств и рад», о запрещении полякам вступления в Красную армию или армию Берлинга.

В связи с предстоящим открытием второго фронта командование западных союзных войск рассматривало вопросы использования сил европейского движения Сопротивления, в частности Армии крайовой. В октябре 1943 г. начальники штабов пришли к выводу, что при высадке во Францию действия АК никакого значения иметь не будут. От АК ожидаются лишь данные разведки. Статуса комбатантов АК не заслуживает. Запросили Сталина, как он отнесется к повстанческим действиям АК. Ответ гласил: если эти вооруженные силы предварительно не подчинятся советскому командованию, то терпеть их не будут. Сообщивший об этом запросе и ответе Л. Миткевич, польский представитель при Главном штабе союзников в Вашингтоне, прибавил, что ответ был однозначным и с военной точки зрения правильным. Хотя саму проблему возможности установления военного сотрудничества Красной армии и борющихся против гитлеровских оккупантов сил польского подпольного движения Сталин еще не отрицал. В послании Рузвельту от 24 июня 1944 г. он писал: «Это, безусловно, является

теперь актуальным делом для окончательного разгрома нашего общего врага»/157/. Условия для договоренности с Миколайчиком не изменились. [1]

Миколайчику, который обратился за содействием в осуществлении плана «Бужа» к американским и английским властям, сообщили, что в соответствии с межсоюзническими договоренностями, Польша находится в сфере действий советских войск и поэтому предполагаемые акции АК не могут быть предприняты без согласия и координации действий с Советским Союзом. Как записал Э. Рачинский в своем дневнике, Черчилль 31 мая 1944 г. говорил Миколайчику, что «мы (поляки –) должны выбить у себя из головы антисоветскую политику, мы не можем ожидать, что британские и американские солдаты пойдут на смерть ради наших прекрасных глаз, мы напрасно стараемся поссорить великих союзников». *В. П.*

В соответствии с продолжавшимися еще попытками установить официальные отношения СССР с польским правительством, советское командование пошло на контакт с отрядами АК на Волыни, где начиналась акция «Бужа». Когда 20 марта состоялась первая встреча представителей 27-й дивизии АК под командованием Оливы (Яна Киверского) с командованием 47-й армии, военный совет 1 БФ в благожелательном тоне информировал о ней Ставку. 24 марта последовала директива Ставки. Совместные действия партизан АК с Красной армией были расценены как желательные при условии полного стратегического подчинения АК Красной армии. Ибо «двоевластия в военном деле быть не должно». При подчинении АК планам советского командования сохранялись бы беспрепятственные политические контакты АК с командованием польских сил на Западе. В случае принятия этих условий Ставка считала возможным снабжение АК всем необходимым для ведения боевых действий, принятие на полное материальное обеспечение и использование для выполнения боевых задач на одном из участков фронта. В случае же отказа АК «совместные действия с Красной армией, а также материальное обеспечение с нашей стороны считаются недопустимыми».

С командованием 27-й дивизии АК было подписано и осуществлено соглашение о взаимодействии при взятии г. Ровно и боях за местечко Тужиск. Вот как складывались в тот период отношения в оценке перехваченных и расшифрованных радиограмм командования АК. Из района Ковеля в центр от Оливы в марте: «Большевики стараются создать радушное настроение. Удивляются нашему присутствию и количеству. Благожелательно относятся к нашим высшим властям… Очень сердечный прием моих штабных офицеров советскими командирами». Но заключал Олива тем, что примет меры, чтобы обезвредить эту советскую пропаганду. И это не только на Волыни. Радиоперехват из Новогрудка от Котовича (М. Каленкевича): «Советский курс мягкий, оцениваю, что это связано с временной недостачей сил. Отряды же готовы к решительному отпору, вплоть до вооруженного».

На Волыни советская сторона с согласия Ставки 26 марта 1944 г. предложила не только локальное соглашение, но и военную конвенцию с АК. И в этом случае сохранялось бы политическое подчинение АК Лондону. Преобразованным в регулярные части отрядам АК было бы гарантировано советское материальное обеспечение и участие совместно с Красной армией во фронтовых операциях. В противном случае советская сторона требовала, чтобы все отряды АК, которые окажутся в тылу Красной армии, были распущены (или подавлены). Решение Ставки 26 марта сообщили Киверскому и командованию АК. К установленному сроку ответа не было получено/159/.Попытка увидеть отряды АК на фронте вместе с соединениями Красной армии, а не в тылу не осуществилась. Логически 9 марта 1944 г. для 1 УФ и 2 БФ была направлена директива Сталина и Антонова «О принятии решительных мер к ликвидации вражеских банд в тылу наших войск».

---

[1] Миткевич Леон— сторонник и ближайший сотрудник Сикорского. В 1939 г. был польским военным представителем в Литве. Через него советский военный атташе передал одно из предложений советского правительства оказать Польше помощь в отражении предстоящего нападения на нее гитлеровской Германии. Миткевич – автор мемуаров, разительно отличающихся от польской эмигрантской продукции «послевоенного разлива».

Заключение формального соглашения между советским командованием и АК на Волыни вызвало недовольство «верхов» АК. Командование АК не одобрило соглашения, присланного ему на утверждение, хотя генерал Сосновский, по словам Окулицкого, и Бур-Коморовский допускали стратегическое подчинение отрядов АК Красной армии. Генерал Татар, находившийся на тот момент в США, высказал удовлетворение событиями на Волыни. Его только не устроило, что командиры АК не получили равных прав планирования предстоящих операций Красной армии. Он также считал, что Польша должна изменить ориентацию на просоветскую и пойти на уступки/160/. [2]

Если командование АК в стране не одобрило волынского соглашения, более того, запретило впредь подобные действия, то гражданское руководство заняло иную позиции. РЕН сообщила Миколайчику 2 мая 1944 г.: мы соглашение утвердим, но далее такая практика опасна, необходимо, чтобы правительство установило отношения с СССР/161/. Итогом был раскол в 27-й дивизии. Часть отрядов осталась в советском тылу и была включена в состав Польской армии в СССР, что вновь вызвало негодование командования АК. Называя СССР новым оккупантом, делегатура считала возможным применить положение гаагских конвенций о запрете призыва населения в «чужие войска» – «иностранную армию из поляков», как заявляли сторонники правительства о 1-й польской армии. Хотя, как говорят, новый командир дивизии Т. Штумбер-Рыхтер хотел остаться в советском тылу, но получил приказ уйти за Буг в Люблинское воеводство. Вскоре дивизия там была разоружена 29-м полком 79-й гвардейской дивизии Красной армии, а ее командир до 1947 г. находился в советском лагере для интернированных.

В советском руководстве также не было единого мнения относительно сотрудничества с АК. Отрицательно к нему относилось партийное и партизанское руководство Украины. Н. С. Хрущёв направил Сталину телефонограмму того содержания, что АК – не «реальная сила», что она с гитлеровцами не ведет борьбы, а уж соглашение с ней не имеет смысла и «не существовало». «Хорошо зная обстановку в этих районах (Тернополь, Волынь, Ровно –), хочу сообщить, что нигде и никогда советские партизанские отряды и части Красной армии на территории Западной Украины не встречали отрядов польских партизан, которые бы действовали по заданию польского эмигрантского правительства в Лондоне»/162/. 15 апреля 1944 г. последовал доклад «О лживых сведениях эмигрантского правительства о действиях польских партизан». Т. Строкач, начальник УШПД и нарком госбезопасности УССР, отряды Армии крайовой «встречал», но 23 марта, докладывая Берии, обвинял их в бездействии, в том, что они не сражаются с немцами, а готовятся к борьбе с СССР за «великую Польшу». *В. П.*

Тенденцию умалить силы АК подхватил Молотов. Он 25 апреля уверял американского посла А. Гарримана, что «контакты Красной армии с какой-то польской подпольной армией являются выдумкой», ее не встречала Красная армия на своем пути и никаких контактов с ней не имеет/163/. Ту же тактику Молотов применил к А. Кларку Керру, неоднократно с 1943 г. пытавшемуся доказать Вячеславу Михайловичу, что в Польше создана организация, которая вносит вклад в дело союзников и может оказать действенную помощь Красной армии. Хрущёв, когда начался обмен населением, «обнаружил» членов АК на Украине и объявил им амнистию во всех преступлениях и прегрешениях при условии, если они репатриируются в Польшу.

Иной вариант развития событий мог произойти в ходе боев за изгнание гитлеровцев из Вильнюса. Командование 45-го Неманского стрелкового корпуса генерала С. Г. Поплав-

[2] Татар Станислав Тадеуш (1896 – 1980) – офицер артиллерии русской армии с 1915 г. С ноября 1918 г. в Войске Польском. Генерал бригады. Выпускник Польской высшей военной школы и Французской высшей военной школы (академии, 1930 – 1932). Работал в генштабе. С 1933 г. преподаватель Высшей военной школы. В сентябре 1939 г. командир дивизионной артиллерии. В конспирации с 1939 г. С января 1940 г.в штабе АК (шеф операций). Под его руководством разработаны первый и второй планы всеобщего восстания и план «Бужа». Переведенный в Лондон (апрель1944г.), стал заместителем шефа штаба главнокомандующего по вопросам Края (Польши).В 1945 – 1947 гг. командир артиллерии 1-го корпуса в Англии. После возвращения в Польшу (1949 г.) в 1950 г. был осужден на пожизненное заключение. Освобожден в 1956 г. и реабилитирован.

ского, наступавшего на город, само обратилось к польским и литовским партизанам с предложением ударить в тыл вермахта, когда Красная армия будет у стен города. Вот что пишет генерал армии М. А. Гареев в работе о маршале Г. К. Жукове, выложенной в Интернете: «Мы видели, какие он (Поплавский –) предпринимал усилия и самые честные, искренние намерения с целью установления связей и сотрудничества с польским подпольем при освобождении Вильнюса и других городов Литвы, где проживало много поляков. Еще при подходе к этим районам он выслал в тыл к немцам несколько групп офицеров для того, чтобы связаться с литовскими и польскими патриотами. Многие рядовые подпольщики охотно шли на это. Но руководители, связанные с Буром-Коморовским и другими лидерами Армии крайовой, всячески темнили, по существу не хотели сотрудничать. С. Поплавский просил их ударить с тыла по немцам с подходом частей корпуса к Вильнюсу, а они предприняли попытку взять Вильнюс 7 июля самостоятельно, и их пятитысячный отряд был разбит гитлеровскими частями. 45-й корпус и другие соединения овладели Вильнюсом 13 июля уже без должного содействия польских патриотов. Пишу об этом потому, что сам это видел, выполнял ряд заданий генерала Поплавского по этим вопросам, знаю, как все происходило на самом деле». (Поплавский вскоре будет командирован в Войско Польское.) *В. П.*

Итак, не ожидая подхода соединений Красной армии, в ночь на 7 июля 1944г., выполняя завет Сикорского, отряды Виленского и Новогрудского округов АК (помните их радиограмму?) сделали попытку захватить Вильно. Самостоятельно. Операция «Остра Брама» была назначена на 10 июля, но войска 3 БФ продвигались столь быстро, что операцию перенесли на 6 июля. Вместо ожидавшихся 16 тыс. бойцовпришло 4тыс. или чуть больше. (Четвертый вариант численности отрядов в районе Вильнюса. Вот она – статистика партизан!) Гитлеровский гарнизон города из регулярных фронтовых частей насчитывал 17 тыс. солдат, без учета соединений отступавшего под натиском Красной армии фронта. Приказ командующего отрядами АК полковника А. Кржижановского-Вилька достаточно полно раскрывает соотношение сил, предрешенный исход борьбы и одновременно хвастовство незавоеванной победой: «В июльскую ночь отряды АК перешли в наступление и нанесли удар по 4-й танковой дивизии (!), которая обороняла Вильно. Разгорелась тяжелая борьба. Немцы бросили в бой все имеющиеся у них силы и всю авиацию с аэродрома Вильно. После шестичасового боя мы вынуждены были оставить занятые нами предместья… Мы отходили от нашего города с болью в сердцах». «Солдаты, смелый ночной штурм воинами АК ради спасения близких и города от уничтожения и военных пожаров не удался. Но свой солдатский долг мы выполнили, придя на помощь гибнущему городу. Своей борьбой за Вильно мы помогли Красной армии быстрее подойти к городу и приняли на себя удар всей немецкой авиации и тем самым затруднили немцам оборону города»/164/.

Подошедшие к полудню 7 июля части 3 БФ спасли отряды АК от полного уничтожения. Город был окончательно освобожден 13 июля после многодневных уличных боев соединениями 3 БФ: 5-й армией, 3-м гвардейским мехкорпусом, 5-й гвардейской танковой армией, 1-й воздушной армией. Миру эмигрантское правительство поведало, что Армия крайова освободила Вильно (Вильнюс), что вызвало острую реакцию Сталина в депеше Черчиллю.

После отказа Вилька и его штаба подчиниться командованию 1-й польской армии Берлинга руководство округа АК было интернировано. Вильк оказался в Рязанском лагере. Личный состав отрядов частично распустили по домам, большинство в призывном возрастекак советских граждан направили в запасной полк Красной армии под Калугу. Инцидент с разоружением и отправкой не прошел гладко. Под Суконтами дело закончилось кровавой стычкой. [3]

[3] 15 июля Вильк сообщал по команде: «Как командир отрядов АК я был приглашен к командующему 3-мбелорусским фронтом (генералу Черняховскому –). Переговоры состоялись в атмосфере хорошей политики, и Берлинга не поминали»и т. д. «Приняли без оговорок наше предложение выставить дивизию пехоты и бригаду кавалерии… на фронт. Материальная помощь Советов. Прошу об одобрении». 17 июля 1944 г.: «Штаб округа Новогрудек и Вильно арестованы. Солдат строем направили

14 июля, то есть после событий в Вильнюсе, фронтам, нацеленным на освобождение Польши (1, 2, 3 БФ, 1 УФ), последовала директива Ставки. Она гласила: «Наши войска, действующие на территории Литовской ССР и в западных областях Белоруссии и Украины, вошли в соприкосновение с польскими вооруженными отрядами, которыми руководит польское эмигрантское правительство. Эти отряды ведут себя подозрительно и действуют сплошь и рядом против интересов Красной армии. Учитывая это обстоятельство, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1) Ни в какие отношения и соглашения с этими польскими отрядами не вступать. Немедленно по обнаружении личный состав этих отрядов разоружать и направлять на специально созданные пункты для проверки. 2) В случае сопротивления со стороны польских отрядов применить в отношении их вооруженную силу. 3) О ходе разоружения польских отрядов и количестве собранных на сборных пунктах солдат и офицеров доносить в генеральный штаб. Сталин. Антонов»/165/.

Миколайчик 18июля бросился к Черчиллю с просьбой защитить АК-овцев и нарвался на бешеную контратаку сэра Уинстона, который обвинил поляков в том, что вместо отхода на Запад они «лезут туда (на Виленщину и Волынь –) только для того, чтобы обозначить свое присутствие». *В. П.*

Подобную Вильнюсу попытку АК предприняла 23 июля во Львове, где ее участие в освобождении города от немецко-фашистской оккупации приняло более конструктивные формы. Город окончательно стал свободным 27 июля. Командование 1-го Украинского фронта и генерал Иванов (Серов) после завершения боев предложили командиру АК В. Филипковскому (Янку) распустить отряды, что он без промедления сделал. В последнем приказе по АК округа он советовал своим бойцам как наиболее достойный выход вступление в ряды 1-ой польской армии. Сам он в переговорах с Ролей-Жимерским не нашел общего языка и был интернирован.

По мере приближения Красной армии к Бугу командование Армии крайовой все более активно рассматривало проблему создания препятствий освобождающим Польшу советским войскам, пока еще как «нежелательную крайность», например, при разоружении АК/166/. Понятно же было, что ведущее войну государство не будет терпеть в своем тылу действий вооруженных формирований, с ним не связанных. Более того, демонстрирующих свою принадлежность правительству, этим государством не признаваемому.

Но чаще фронт прокатывался раньше, чем отряды АК могли сконцентрироваться для акции «Бужа». Выступления же АК в Вильнюсе и Львове, по словам военного министра М. Кукеля, вызвали бурное негодование Черчилля. На акцию «Бужа» предполагалось мобилизовать в регионе кресов до 50 тыс. человек. Встало же под ружье для 27-й дивизии АК в округе Волынь 6 тыс., в районе Вильнюс – Неман —12 тыс. В боях за Вильнюс участвовало 4 – 5 тыс. АК-овцев, за Львов —до 4тыс., а также украинское подполье.

Готовиться к борьбе с антисоветским подпольем «на кресах» в советском руководстве начали перед операцией «Багратион» (по освобождению Белоруссии и Восточной Польши). В мае 1944 г. директива замнаркома НКВД И. А. Серова и начальника войск НКВД по охране тыла действующей армии И. М. Горбатюка предупреждала подведомственные им части, что «враждебно настроенные к нам группы населения будут стремиться в подходящий момент ударить нам в спину». К ним были причислены все вооруженные организации, подчинявшиеся польскому правительству или с ним контактирующие. В западных областях Украины и Белоруссии органы НКВД не допустили захвата отрядами АК и гражданским подпольем какой-либо местности или населенного пункта. Советская власть была восстановлена повсеместно. Там операция «Бужа» не смогла выполнить отведенной ей роли. А более 6тыс. человек, в том числе

в лагерь. «Отфильтрованных» – в армию Берлинга». По возвращении в Польшу А. Кржижановский был арестован и умер в польской тюрьме. Его дочь, врача из Гданьска, в современной Польше сделали политической фигурой.. *В. П.*

члены АК, с этих территорий были интернированы органами НКВД и НКГБ. Иного исхода быть не могло.

Характерной чертой боевых операций польских демократических формирований, связанных с Крайовой радой народовой —КРН после создания этого органа, явилась подготовка к их сотрудничеству с наступающими частями Красной армии. По воспоминаниям М. Спыхальского в конце января или в самом начале февраля 1944 г. было проведено совещание Президиума КРН, секретариата ЦК ППР, главного командования АЛ со штабом АЛ. Обсуждался вопрос о действиях АЛ-Армии людовой при освобождении Польши Красной армией в два этапа. Было решено, что задачей отрядов АЛ будет оставаться на месте и немедленно после освобождения помочь демократическим органам в союзе с Красной армией взять власть, а не идти на запад для продолжения борьбы в тылу немецкой армии. Последний вариант возможен для некоторых отрядов при исключительных обстоятельствах. Рассматривался вопрос, как быть при неизбежном разделении страны на освобожденные и еще оккупированные гитлеровцами территории. Было решено, что, если будет освобождена первоначально значительная территория, то Президиум КРН и ЦК ППР перейдут на освобожденную территорию, для еще оккупированной— останутся заместители. Если будет освобожден только «кусочек» – рокировка будет противоположной/ARR, t. II, s. 342/. Главное командование Армии людовой приступило к проведению ряда мероприятий по всесторонней подготовке отрядов и гарнизонов АЛ к предстоящим решающим боям с оккупантами. Эти мероприятия касались вопросов организации: были разработаны уставы, инструкции, приказы, которые нормировали структуру командования, отрядов и гарнизонов АЛ, формы борьбы, обучения, снабжения, меры поощрения и награды. В частности, был установлен орден «Крест Грюнвальда», который по статусу был приравнен к традиционному польскому ордену «Виртути милитари». (Современные польские власти аннулировали эти награды и сам орден.) Для действенной борьбы с германскими оккупантами было решено продолжать создавать на базе существующих отрядов более крупные формирования – бригады. Всего их стало в АЛ 11, две из которых —«Победа» и «Свобода» – состояли практически только из советских граждан. В первую очередь реорганизация коснулась Люблинского округа АЛ, непосредственного тыла вермахта. Организация больших соединений определялась и ростом рядов Армии людовой. АЛ росла и пополнялась как за счет вновь приходящих бойцов (принято считать, что в 1944 г. больше всего добровольцев шло в АЛ), так и за счет перехода в нее военных организаций, вошедших в состав КРН: милиции РППС, отрядов батальонов хлопских, некоторых отрядов АК, особенно в Силезии. Только в Люблинском воеводстве в июле АЛ насчитывала 9 622 человека. В Келецком в октябре 1944г. —около 7 тыс., в Силезии в январе 1945 г. – более 1 600. Всего же численность Армии людовой в 1944 г. составила около 55 тыс. солдат и офицеров. Препятствием для роста действующих отрядов была нехватка опытных командиров и оружия. Здесь неоспоримой стала помощь польского партизанского штаба и перешедших на территорию Польши советских партизанских отрядов, хотя отношения между ними складывались не всегда гладко и ровно.

За годы борьбы Гвардия и Армия людова приобрели боевой опыт. АЛ стала серьезной силой. Если в 1942 г. мелкие партизанские отряды не имели возможностей для ведения значительных боевых операций, то, как вынуждены были признать, гитлеровские власти, в конце 1943— начале 1944 гг. партизаны контролировали значительные районы генерал-губернаторства. Бессилие гитлеровцев признавал и сам генерал-губернатор Г. Франк, отметивший 18 мая 1944 г.: «Люблинский дистрикт (воеводство), практически говоря, на одну треть не находится уже в руках немецкой администрации. Там уже не действуют ни администрация, ни исполнительные органы и еле-еле работает транспорт. На этой территории немецкая полиция может появляться только в силе не менее полка»/167/.

В первой половине 1944г. основные боевые действия партизан происходили в Люблинском воеводстве. Главное командование АЛ, оценивая значение, которое территория Люб-

линщины имела для гитлеровских войск, издало 26 февраля 1944 г. приказ командованию Люблинского округа: главные задачи – уничтожать и держать под постоянной угрозой коммуникации, железные дороги и шоссе, ведущие к фронту; получать в результате военных действий преобладание над мелкими немецкими гарнизонами; сделать невозможным свободное передвижение оккупантов; небольшие города держать под угрозой; ликвидировать небольшие отряды врага; обеспечить охрану гражданского населения от репрессий оккупантов;«установить постоянную тактическую связь с союзными отрядами Красной армии, переправляющимися через Буг (рейдовыми советскими партизанскими отрядами –), и выступать инициаторами совместных боевых действий». К этому присовокуплялись проведение разведывательной работы в тылу врага и активная политико-просветительская работа в отрядах и среди населения/168/. *В. П.*

Активные действия против железнодорожных коммуникаций привели к тому, что фашистские воинские эшелоны могли передвигаться только в отдельные дни, только по некоторым линиям и в сопровождении сильного конвоя: с апреля по июнь 1944 г. партизаны в Люблинском округе осуществили более 500 диверсий на ж/д. «Восточная железная дорога слишком слаба, чтобы обороняться от нападений. Вообще, силы, которыми мы располагаем в Люблинском дистрикте, слишком малы, чтобы мы могли эффективно выступать против банд», —заявил руководитель отдела железных дорог в генерал-губернаторстве.

Не менее важной задачей АЛ было создание условий для перехода власти в руки рад народовых в момент освобождения страны.

Со своей стороны советские отряды, пришедшие в Польшу, вступали в контакт с Армией людовой. «Мы не замедлили войти, —вспоминал полковник Н. А. Прокопюк, – в контакт с командованием этих отрядов (АЛ –) на Люблинщине, ознаменовавшийся боевым содружеством в борьбе против общего врага»/169/. В частности, между капитаном А. Коваленко из отряда Прокопюка и М. Мочаром были оговорены и в дальнейшем совместно решались вопросы обмена разведывательной информацией о противнике, диверсионной работы на железных дорогах, порядка передачи встречающихся советских военнопленных, заготовки продуктов питания, предоставления проводников, общей обороны и работы среди местного населения. Например, Метеку-Мочару ежедневно передавались сводки Совинформбюро, которые размножались на польском языке и распространялись среди населения. Для координации действий советских рейдовых отрядов, перешедших из-за Буга, и польских партизан, действовавших в Люблинском воеводстве, в апреле-мае 1944 г. было проведено три совещания руководителей советских и польских партизанских отрядов совместно с командующим Армией людовой генералом Ролей-Жимерским. На этих совещаниях были определены принципы сотрудничества и распределены районы боевых операций. *В. П.* [4]

Приход в Люблинский дистрикт советских партизан всполошил гитлеровские власти. Одно за другим в Краков к генерал-губернатору последовали панические донесения. Существование значительных партизанских сил в непосредственном тактическом тылу фронта, затруднявших перегруппировку гитлеровских войск, уничтожавших тылы и коммуникации, различные военные и хозяйственные объекты, живую силу и технику —представляло реальную угрозу для планов германского командования по обеспечению фронта в связи с предполагаемым летним наступлением Красной армии (оно началось 22 – 23 июня 1944г.). Командование, подтянув отборные части вермахта и СС, поставило перед ними задачу ликвидации польских и советских партизан. Наступление против них было начато в мае, когда моторизованная дивизия СС «Викинг», поддержанная танками, артиллерией и самолетами, пыталась

[4] Н. А Прокопюк. В боевом содружестве с патриотами Польши. Воспоминания. С. 17. Прокопюк написал воспоминания по просьбе Института истории партии при ЦК ПОРП. Экземпляр работы он передал в архив ИМЛ, ныне РГАСПИ. Н. А. Прокопюк также любезно предоставил автору возможность ознакомиться с рукописью и использовать ее в работе. Ср. воспоминания П. П. Вершигоры о дивизии имени Ковпака: «Новый мир», 1959, №2.

воспрепятствовать концентрации партизанских отрядов, направлявшихся на юг воеводства. В течение 8 и 9 мая отряды АЛ и отряд БХ вели непрерывные бои с оккупантами, во время которых им на помощь подошел советский отряд под командованием капитана Чепиги. 11 мая в районе Ремблова произошел бой. Неоднократные атаки гитлеровцев, поддержанные артиллерией, были отбиты с большими для них потерями (в том числе был сбит самолет). Удержав свои позиции, партизаны ночью прорвали окружение и ушли от преследования.

Потерпев неудачу в разгроме партизан на севере Люблинского воеводства, оккупанты после длительной подготовки запланировали наступление на юге, в Липских и Яновских лесах, где находилась база партизан. Они надеялись окружить находившиеся в Липских и Яновских лесах отряды и быстро расправиться с ними. Силы партизан в этом районе составляли около 3 тыс. бойцов: часть 1-й бригады АЛ им. Люблинской земли, в состав которой входили отряды БХ, бригада им. Ванды Василевской, отряд Касмана, отряд №4 из соединения «Ешче Польска не згинела» (имени Т. Костюшки), советские отряды под командованием В. Карасева, Н. Прокопюка, В. Чепиги, Н. Куницкого, И. Яковлева, С. Санкова, М. Наделина, отряд АК Конара (Б. Усова) в 93 бойца. О готовившейся операции партизаны узнали загодя (30 мая). На встрече командиров отрядов 7 июня было решено дать совместный отпор карателям. Принятому решению способствовало то, что партизаны были хорошо вооружены, прекрасно ориентировались на местности, пользовались поддержкой населения, которое сообщало о передвижениях неприятеля, оказывало помощь во время боев. Решение было принято и по ряду политических мотивов, которые в польской литературе по этому вопросу обычно не рассматриваются. Командование отрядов учитывало не только большой духовный подъем партизан, вызванный близостью фронта и победами над врагом, но и то, что польское население уже привыкло смотреть на партизан как на своих защитников, отход же партизан отдавал бы гражданское население на расправу оккупантов. Уже в то время, писал Прокопюк, в расположении отрядов было до тысячи (?) человек гражданского населения, искавшего у партизан убежища. В решении о бое была также доля просчета в оценке возможностей гитлеровского командования. Партизаны ожидали, что оккупантам удастся сколотить два-три полицейских полка или эрзац-дивизию. Однако против партизан были брошены три дивизии, полк СС, несколько полицейских формирований, ряд других соединений: кавалерийский калмыцкий корпус, вспомогательная группа танковой дивизии «Викинг» («Polski ruch oporu», s. 612, их называет механизированным батальоном СС), самолеты 4-го воздушного флота. В общей сложности гитлеровцы располагали в районе боя примерно 30 тыс. солдат. О численности наступавшей армии партизаны узнали от пленного гитлеровского капитана только 13 июня. Однако решение принять бой не было отменено.

По плану гитлеровского командования и созданного в этих целях штаба во главе с генералом Борком, на полное окружение и уничтожение партизан было отведено пять дней — с 9 по 13 июня. Генерал приказал в ходе операции не щадить ни женщин, ни детей. Операция «Штурмвинд» началась 10 июня, с опозданием на день по плану. 11 июня отгремели первые бои. Это по плану, а далее у гитлеровцев все пошло не по писаному. К 13 июня отряды партизан отошли на заранее подготовленные позиции у реки Бранев, где имелись и естественные преграды. Были созданы две линии обороны, заминированы дороги. На них впоследствии подорвались два танка. Вырыты были защитные щели и окопы для гражданского населения, часть которого во время боя пополнила ряды бойцов польских отрядов.

Для лучшего ведения операций было создано объединенное командование во главе с полковником Н. А. Прокопюком как старшим по званию и командиром самого крупного отряда. Политическое руководство возглавили член ЦК ППР Х. Хелховский, И. Галигузов из отряда Прокопюка и В. Кременецкий из бригады им. В. Василевской. «В распоряжение командования поступили значительные запасы оружия, в особенности пулеметов, минометов, противотанковых ружей и боеприпасов к ним, заброшенных из Москвы для польских партизанских отря-

дов и находившихся до того времени в ведении представителя ЦК ППР Яновского». (Здесь Прокопюк явно ошибается: Л. Касман не был представителем ЦК ППР, и к этому времени приемом и распределением оружия занимались уже Петров-Лукомский и его команда.) Утром 14 июня в Москву было передано сообщение о предстоящем бое, затребованы самолеты для вывоза раненых, боеприпасы и медикаменты. Разведчикам отряда Карасева удалось добыть приказ командующего немецко-фашистской группировкой генерала Кенслера с подробным описанием плана экспедиции, с указанием времени начала атак, опознавательных знаков, указаний для авиации и т. д. Эти указания пригодились партизанам 14 июня. По их «интерпретации» положений приказа, бомбы полетели в болота и на позиции карателей. В итоге авиацию немцы более не применяли. Все атаки гитлеровцев встречались шквалом огня. Четыре часа непрерывного боя, временами переходившего в рукопашные схватки, не дали результата немцам. «И хотя каратели продолжали обстрел, все еще пытаясь атаковать, идя в атаку почти сплошь пьяные, предпринимали психические атаки— строем и „дикие“– с визгом, гамом, используя шумовые эффекты (котелки, пустые бидоны и т. д.), они неизменно откатывались битые. На некоторых участках, пользуясь попутным ветром, наступающие жгли перед собой траву, как это имело место на позициях Н. Куницкого и М. Петрова, но безрезультатно. Пыл боя спадал».

В 22:30 немцы предприняли последнюю атаку. Всего же партизаны отбили более 50 атак. Враг потерял, по сообщению Прокопюка, 1 500 убитыми и более 2 000 ранеными. (По тексту: в этом бою. Польские военные историки выяснили, что потери в трех немецких дивизиях, без сведений о приданных частях, были 495 убитых и раненых.) Партизаны захватили богатые трофеи, в том числе артиллерийские орудия и минометы, сразу повернув их в сторону врага. Потери партизан составили около ста убитых и 70 раненых. (Иные цифры: 104 убитых и 50 раненых.) В числе потерь – командир отряда В. П. Чепига и секретарь Люблинского округа ППР К. Вырвас, тот, что был переброшен с отрядом Касмана.

Ночью через прорыв линии фронта, проведенный бойцами под командованием младшего лейтенанта Михаила Петрова, которому за его подвиги в бою на реке Бранев посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, отряды вышли из окружения и направились в Сольскую пущу. Часть польских отрядов, том числе отряд АК, осталась в Яновских лесах. (Другие сведения: прорыв в окружении обнаружили разведчики отряда Карасева. На карте-схеме боев, приведенной в книге «Polski ruch oporu», указан один прорыв.) Во всяком случае, операция была проведена столь скрытно, что гитлеровцы ничего не заметили и с рассветом пошли на штурм пустого лагеря. За этот «штурм пустоты» и «прореху» в линии окружения виновник был отдан под суд.

В Сольской пуще отряды застали три новых отряда советских партизан: Б. Шангина, Г. Ковалева и потрепанный в боях отряд С. Чижова, что существенно изменило силы партизан. Их стало 5тыс. Большое количество раненых препятствовало маневренности партизан, а непрерывные бои не давали возможности оказывать им необходимую медицинскую помощь. Во время кратковременной стоянки в Сольской пуще командование связалось по радио с УШПД, он выслал в лагерь два самолета У-2, которые в течение трех дней вывезли всех тяжело раненных. Продолжавшиеся бои и передвижения не дали возможности применить транспортные самолеты, которые увезли бы всех раненых.

Немецко-фашистские войска вновь начали окружать партизан в Билгорайских лесах. 24 июня произошел бой, снова окончившийся прорывом кольца окружения, хотя гитлеровцы и пытались исправить просчеты в оценке боеспособности и силы партизан. Им достались даже брошенные при паническом бегстве немецкие походные кухни с горячим ужином. Во время боя хлынувшее в лес под защиту партизан население окрестных сел организовало специальные команды, которые подбирали раненых и следили, чтобы среди гражданских не возникло

паники. После прорыва окружения население ушло с советскими и польскими партизанскими отрядами.

Вблизи боя в лесу находился крупный отряд Армии крайовой под командованием майора Калины —Э. Маркевича, запасы оружия АК, ее склады. Но командование отряда отказалось участвовать в боях с гитлеровцами. Оно отказалось даже уйти через прорыв, сделанный советскими и польскими отрядами. Калина рассчитывал отсидеться. Раздосадованные неудачами, фашисты, как писал Прокопюк, не стали разбираться, кто перед ними, и вырезали почти весь отряд. В один день погибло примерно 600 бойцов. Спаслось около сотни. Погиб и командир.

Карательные операции «Штурмвинд-1» и «Штурмвинд-2» продолжались в течение двух недель – с 9 по 25 июня на территории в 3 тыс. кв. км. В ходе ее партизаны, непрерывно маневрируя и передвигаясь, стремясь уклониться от боя там, где его хотел навязать враг, и давая там, где врагу было невыгодно, отбивая иногда по нескольку десятков атак в день и переходя в контратаки, наносили врагам чувствительные удары. Гитлеровцам удавалось несколько раз окружить партизан, но каждый раз те прорывали кольцо и уходили. В результате в штабе Борка пришлось признать, что операция «блистательно» провалилась.

Одновременно с действиями в Липских, Яновских лесах и в Сольской пуще специальные группы этих же отрядов вне территории боев, отряды АЛ и иные советские отряды проводили в тылу гитлеровцев отвлекающие действия: взрывы мостов, путей, эшелонов.90 операций с 8 по 30 июня. То есть гитлеровцам, окружавшим в те дни главные силы партизан, не удалось прекратить разрушение своих линий коммуникаций. А это были дни, непосредственно предшествовавшие операции «Багратион». Характерной чертой операций была связь с советским тылом. Она летом 1944 г. действовала не только на Люблинщине, но и поддерживала партизан в других районах, в частности в тылах Сандомирского плацдарма.

Прорвавшись из окружения в Сольской пуще, отряды АЛ снова перешли в Липские и Яновские леса, где получили от Польского партизанского штаба пополнение своих истощившихся запасов оружия и боеприпасов. Советские отряды пошли на юго-восток в район Равы Русской. Часть советских партизанских отрядов осталась на территории Люблинского воеводства, часть же направилась в Карпаты, где приняла участие в Словацком восстании. Крупнейшая битва, которую провели польские партизаны, в целом кончилась успешно для объединенных отрядов Армии людовой и советских партизан. Значительной потерей было то, что гитлеровцам удалось разбить отряд АК из-за отсутствия у него опыта лесной войны и непринятия предложения командования советских и польских партизан. К числу иных крупных выступлений лета 1944г. относились бои 15 июня в районе Грабовца, где гитлеровцам удалось окружить и разбить отряды АК и БХ, и операция «Вагабунд» (8 – 22июня), закончившаяся победой советского отряда, отряда АК и группы АЛ в Воле Верещанской. Крупные сражения происходили в других районах Польши: в Келецком округе, где отряды АЛ, БХ и АК провели 57 боев за январь-июль, и в районе Кракова.

Действия польских и советских партизан, которые разрушали ближайшие тылы вермахта, дезорганизовывали коммуникации врага (повторим: 503 операции на Люблинщине) и доставляли советскому командованию ценные разведывательные данные о расположении и силах врага (в частности, в начале июля 1944 г. разведка батальонов хлопских передала советскому отряду имени Суворова план укреплений германского фронта от Пинских болот до Карпат), оказывали непосредственную помощь Красной армии в подготовке операции «Багратион».

5.21. Начало освобождения Польши Красной армией от гитлеровской оккупации. Создание Польского комитета национального освобождения (ПКНО)

К середине июля передовые соединения Красной армии вплотную подошли в Западному Бугу. В их составе находилась 1-я польская армия. С 17 по 20 июля 1944 г. советские войска и вместе с ними польские части форсировали Буг. В освобождении Польши участвовали 5 фронтов, 29 общевойсковых, 5 танковых, 6 воздушных армий, 6 артиллерийских корпусов прорыва из резерва Верховного Главнокомандования. Перед Советским Союзом и его армией в военном, в практическом плане встала задача освобождения порабощенных гитлеровцами народов Европы, в политическом плане поставленная еще 22 июня 1941 г. Настало время, завершая разгром нацизма, выполнять и интернациональный долг. В частности, содействовать возрождению сильной, независимой, демократической Польши. Военные советы фронтов опубликовали и распространили обращения к польскому народу с изложением целей и задач пребывания Красной армии на территории Польши. Военный совет 1 УФ писал: «Преследуя отступающие по всему фронту немецкие войска, Красная армия вступила на вашу землю как армия-освободительница, с единственной благородной целью: скорее разгромить фашистскую разбойничью армию, избавить поляков от гитлеровской тирании и восстановить свободу и независимость польского государства… Мы не хотим навязывать вам своих порядков. Устройство будущей Польши – ваше дело… Помогайте частям Красной армии поддерживать порядок. Продолжайте свой мирный труд. Обеспечьте нормальную работу ваших предприятий, учреждений, торговли и транспорта»/170/.

Командование 1-й польской армией в своем приказе заявило: «Мы вступаем с оружием в руках, чтобы плечом к плечу с героической Красной армией и своими ратными подвигами бить и гнать немцев с польской земли. В Польше существует представительство народа – Крайова рада народова. Она будет нашей опорой, ей мы обеспечим поддержку, ибо мы исходим из принципа, что к кормилу правления в возрожденной Польше не могут вернуться виновники катастрофы 1939 г., что править страной должны новые люди, демократически опирающиеся на народ».

Польская рабочая партия и КРН провели подготовку к овладению властью. Отряды и гарнизоны были приведены в состояние боевой готовности, были сформированы ударные отряды, получившие конкретные задачи и объекты. Рады народовы, Армия людова и местные организации ППР получили указания оказывать возможную помощь наступающей Красной армии и устанавливать с ней сотрудничество, а немедленно после изгнания оккупантов овладеть общественно-политической и экономической жизнью освобожденного района. В ходе освобождения польских земель одновременно с операциями регулярных войск проходили интенсивные действия партизанских сил обоих политических лагерей. Их основной целью было легализовать созданный ими подпольный аппарат. Часто отряды АЛ непосредственно объединялись с наступавшими советскими или польскими частями. Например, бригада им. В. Василевской, часть соединения «Ешче Польска не згинела» и советский партизанский отряд им. Буденного совместно с советскими войсками освобождали г. Янов. Вечером 22 июля отряды польских партизан начали бои в Люблине. Они установили связи с наступавшей на город 2-й танковой армией и вели во взаимодействии с ней бои за полное освобождение города. Освобождение Парчева (22 июля) советскими войсками сняло блокаду с отрядов Армии людовой (до 1 200 бойцов) и советских партизан, с 18 июля ведших тяжелые бои с карателями. В боях за плацдармы на Висле частям Красной армии помогали отряды БХ.

Армия крайова на Люблинщине самостоятельно, по акции «Бужа», заняла около десятка населенных пунктов, а совместно с Красной армией —25: Хелм, Пулавы, Демблин, Люблин, Замостье и др. (В боевых донесениях начальнику штаба 1БФ М. С. Малинину их участие не указывается.) Но в целом Красная армия проходила быстрее, чем успевали мобилизоваться отряды АК. И вставал под ружье еще меньший процент, чем «на кресах». (По разным сведениям, 10— 25% тех, что числились присягнувшими на верность АК.)

Развернулись бои за Вислой, в Келецком воеводстве, куда еще не дошли советские войска. Там в районе Пиньчова отряды АК, БХ и АЛ освободили обширную территорию и в течение длительного времени удерживали «Пиньчовскую республику». Образовалось еще пять таких временно освобожденных территорий меньшего размера. В ряде мест – Люблине, Билгорае, Замостье, Демблине – провозгласили свою власть органы делегатуры. 25 июля в Люблине делегат эмигрантского правительства Владислав Холева (Лукаш Паценик) выпустил обращение, в котором объявил: «По поручению правительства Речи Посполитой беру с сегодняшнего дня власть над территорией Люблинского воеводства. От всех требую подчинения распоряжениям моим и подчиненных мне органов. Руководители гражданских организаций и руководители коммунальных предприятий остаются подчиненными мне автоматически и обязаны явиться за директивами. Всякие меры, касающиеся вооруженных операций, будут подчиняться коменданту округа Армии крайовой»/159/. Так и функционировали две власти— КРН и делегатуры— в одном даже здании. Это двоевластие терпелось до половины августа, пока шли переговоры с Миколайчиком. Потом под здание ратуши подошел танк… Пан Лукаш познакомился с Рязанской землей.

Типичный случай произошел недалеко от Бреста 30 июля. Почти по указаниям командования АК по «Буже». В штаб 47-й советской армии явился заместитель командира партизанской дивизии АК, действовавшей в районе Бяла – Подляска – Луков. Он сообщил, что дивизия хорошо вооружена стрелковым оружием, но артиллерии нет. «Она должна [была] вести борьбу с немцами до прихода Красной армии самостоятельно, а с приходом Красной армии, войдя в контакт с командованием Красной армии и получив у нее вооружение, а также боеприпасы, [как] было предложено, провести мобилизацию местного населения, а затем реорганизовать дивизию в регулярную армию, подчиненную лондонскому эмигрантскому правительству. У дивизии имеется предписание не связываться с 1-й Польской армией Берлинга», – заявил пришелец/159/.

Некоторые члены военного совета 1 БФ были склонны согласиться с подобными предложениями (факт из истории отряда АК Праги), что вызвало возобновление приказов Ставки о разоружении отрядов АК.

В результате летнего наступления 1944г. Красная армия освободила правобережную Польшу с населением примерно в 5,6 млн. человек. В опубликованном в связи со вступлением советских войск на территорию Польши заявлении Наркоминдела говорилось, что СССР рассматривает военные действия в Польше как действия на территории суверенного, дружественного, союзного государства и единственной его целью является «помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши». В связи с этим советское правительство заявляло, что оно «не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа».

После перехода Западного Буга Красной армией, вместе с которой шли дивизии Польской армии, события вокруг Польши, Варшавы, развивались не по дням, а по часам. После прекращения очередного раунда переговоров с правительством Миколайчика, на сей раз по вине советской стороны, выдвинувшей неприемлемое для поляков требование, руководство Кремля пошло на соглашение с Крайовой радой народовой. В Польшу из Москвы была направлена шифрограмма Веславу (В. Гомулке) об актуальности формирования временного правительства

в форме национального комитета и о вызове в Москву видных деятелей, подходящих на должности министров. Гомулка персонально также был приглашен. Сталин пришел к выводу, что пришло время воспользоваться внутренними польскими силами, срочно создать правительственный орган, которому необходимо передать власть в Польше и который послужит субъектом в ходе дальнейших переговоров с союзниками и Миколайчиком. 21 июля, в день, когда наступление разворачивалось на протяжении всего советско-германского фронта от Балтийского моря до Карпат, а войска 1БФ и 1 УФ дошли до границы 1939/1941гг., в Кремль были приглашены делегация КРН и руководство Союза польских патриотов. Обсуждался вопрос создания Польского комитета национального освобождения (ПКНО) и его программа. Основы этого документа давно уже разрабатывались в СПП. Польская сторона пришла с конкретными предложениями по составу будущего административного органа и предложением Люблина в качестве его временной резиденции. Решения эти были приняты на совместном заседании Главного правления СПП в СССР и делегации Крайовой рады народовой 18 июля 1941 г. Пока его именовали Делегатурой Крайовой рады народовой для освобожденных земель, органом, «готовым для принятия администрации», добавляя, что «в Кремле нам могут предложить создание национального комитета».

В ночь с 21 на 22 июля при участии советского лидера был окончательно сформирован орган КРН, получивший наименование Польский комитет национального освобождения (ПКНО) и принят его «Манифест к польскому народу». Он был передан по радио и опубликован в газете «Известия» 25 июля. (По традиции пишут, что он был обнародован в Хелме/Холме 22 июля. Но Хелм, по боевым донесениям, был освобожден только к 19 часам 22 июля. Началось наступление в 10:00, бои на улицах города шли весь день.) Новый институт в манифесте был определен как «законный, но временный орган исполнительной власти» для руководства освободительной борьбой народа, для завоевания независимости и восстановления польской государственности. ПКНО заявлял, что берет в свои руки власть на освобожденных территориях. Принятое решение вполне соответствовало позиции Сталина, все еще не ставившего точку в вопросе о власти в Польше и не желавшего излишне обострять отношения с руководителями США и Великобритании, войска которых с 6 июня 1944г. воевали в Европе. [5]

Предваряя возможную негативную реакцию союзников на появление ПКНО, Сталин в письме к Черчиллю объяснил, что создается не правительство, а только комитет, который «я не могу считать правительством Польши, но возможно, что в дальнейшем он послужит ядром для образования временного польского правительства из демократических сил». Тем самым Москва давала понять, что признания ПКНО не требуется. ПКНО и не очень беспокоил союзников. Признает это и Э. Дурачинский в своей работе о Сталине/170/. Забеспокоился лишь Черчилль, срочно принявший меры для высылки своего протеже в Москву на переговоры, дескать, Миколайчик стремится к объединению «всех поляков». Сталин согласился, дав понять, что при переговорах речь может идти уже не о всем правительстве («эфемерном, лишенном влияния»), а лишь о его демократических представителях, способных сотрудничать с ПКНО/171/.

В состав ПКНО вошли 15 человек. 10 представителей СПП и Центрального бюро польских коммунистов и 5 представителей КРН. По партийной принадлежности: пять коммунистов, три социалиста, четыре людовца, один деятель демократического направления и два

[5] Британские биографы Черчилля пишут, что операцию «Багратион» на Западе начали замалчивать с самого начала, не придавали ей значения. Им глаза затмевала высадка в Нормандии, хотя операция «Багратион» более, чем какая-либо другая в 1944 г., помогла поставить Германию на колени. А «в конце июня и в июле, когда Красная армия пронеслась по территории размером с Великобританию (с севера на юг и с запада на восток), англо-американские войска все еще вели битву за плацдарм высадки десанта на фронте всего в несколько миль глубиной и 80 миль шириной на участке Нормандии величиной с Кейп-Код» (крошечный полуостров в Бостоне, США). У. Манчестер, П. Райт. …Черчилль… С. 928.Ср. М.И.Мельтюхов. операция «Багратион» и Варшавское восстание 1944 года. Вопросы истории 2004, №11.

беспартийных. Председателем комитета стал Э. Осубка-Моравский. Его заместителями – В. Василевская и А. Витос, брат лидера Стронництва людового Винценты Витоса. Генерал Роля-Жимерский стал главой ведомства национальной обороны, его заместителем – З. Берлинг. (Западные журналисты зубоскалили, что никто из членов ПКНО никому не известен.) Принятые документы: об образовании ПКНО, его манифест, о принятии верховной власти над Польской армией в СССР и о слиянии Армии людовой и Польской армии в СССР в единое Войско Польское и декрет о назначении ее командующего – все они на первой же сессии КРН в освобожденном Люблине формально были вписаны в постановления КРН и получили статус законов. Отказ от наименования созданного органа правительством определялся несколькими внутри- и внешнеполитическими факторами. НКИД СССР также считал более целесообразным создание комитета по образцу Франции и Югославии. Отказ от слова «правительство» создавал более широкие возможности для ведения переговоров с представителями лондонской эмиграции и демократическими деятелями в стране. Для советского лидера главным тогда было придерживаться принципов по типу самой Антигитлеровской коалиции. В тот же день Ставка Верховного Главнокомандования отдала директиву овладеть городом Люблин не позже 26 – 27 июля, что «настоятельно требует политическая обстановка и интересы демократической Польши». (И психологически важно: в ноябре 1918 г. в Люблине было создано первое правительство независимой Польши, возрожденной после разделов.) Люблин был освобожден 24 июля 1944г. (Это по сводке Совинформбюро. Сталин в письме Черчиллю, дублированном Рузвельту, пишет, что Люблин освобожден 23 июля. По боевым донесениям еще 24-го в городе продолжались уличные бои.) Освобожден был и находившийся недалеко от города лагерь смерти Майданек. Мир конкретно узнал об ужасах гитлеровских лагерей смерти. 31 июля был освобожден Отвоцк и округа, где находились руководители КРН и ППР. [6] [7]

После образования ПКНО был произведен обмен протокольными документами с НКИД СССР: уведомления об образовании ПКНО, готовности обменяться представителями (25 июля, 1 августа).Было обнародовано заявление об отношении СССР к Польше от 26 июля. В тот же день,26 июля 1944г.,было заключено соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на терри-

[6] Осубка Эдвард (Моравский, 1909 – 1997) – из крестьянской семьи, деятель кооперативного движения. С 1928 г. в социалистическом движении, тяготел к левым в ППС. В сентябре 1941 г. вместе с другими не принятыми в ВРН левыми социалистами вступил в организацию «Польские социалисты», преобразованную вскоре в партию РППС, где Осубка занимал руководящие посты. Вместе с ППР участвовал в создании подпольного парламента левых сил – КРН. В марте 1944г. выехал, вышагал, как мы видели, в составе делегации КРН в Москву. Участвовал в переговорах со Сталиным и другими советскими деятелями. Возглавил ПКНО, затем Временное правительство, где был одновременно министром иностранных дел. Был премьер-министром Правительства национального единства (1945 – 1947). Выступил против объединения ППР и ППС. Исключен из партии ПОРП. Вернулся к политической деятельности в ППС в 1990 г.

[7] Ванда Василевская (1905 – 1964) – известная польская писательница. В Польше – член ППС. В СССР – член ВКП (б), председатель Союза польских патриотов. В ПКНО был ее наивысший в польской администрации пост, не удовлетворивший ее амбиций. Но дочери соратника Пилсудского и жене советского заместителя министра иностранных дел СССР и украинского советского писателя А. Е. Корнейчука, а вскоре руководителя УССР, дальнейшее карьерное продвижение в Польше было невозможно. Ванда осталась в СССР. После репатриации польских граждан и прекращения деятельности СПП уехала в Киев, к новому месту работы мужа —председателя Верховного Совета УССР. Продолжала заниматься литературным трудом и общественно-политической деятельностью (депутат Верховного Совета СССР, член Всемирного совета мира и т.д.).В 1942 г. Василевская написала повесть «Радуга». В переводе на русский ее печатали газета «Известия» и ряд областных газет. На польском была опубликована в Издательстве литературы на иностранных языках. Это повесть о героизме партизан и зверствах гитлеровцев. Она получила Сталинскую премию, денежную часть которой передала на строительство самолета для Красной армии. Повесть в годы войны была переведена в скандинавских странах, а затем почти во всех странах Европы, США, Мексике, Китае, Индии, Индокитае (Вьетнаме).В СССР созданный на ее основе фильм режиссера Марка Донского получил сталинскую премию, а в США – «Оскара» (1944, статуэтку приняли чиновники Госкино и атташе по культуре, но режиссеру ее не передали). Рузвельт, посмотрев фильм, отдал распоряжение показать его во всех родах войск США.. Повесть Василевской еще в 70-х годах XX века вдохновляла вьетнамских патриотов на борьбу. В Версале (Франция) в 1975г. на митинге в защиту народов Индокитая вьетнамец подошел к советскому делегату писателю Натану Рыбаку, автору «Переяславской рады» (кстати, свойственнику Корнейчука, мужу его сестры), и попросил его как русского, знавшего Ванду, подписать ему вьетнамское издание «Радуги». А тут: «Никто никому не известен».

торию Польши. В нем определялось, что Войско Польское является суверенным национальным формированием и будет «действовать на территории Польши». (Пункт этот был скорректирован. Дивизия им. Костюшки и ряд иных более мелких частей дошли до Берлина и участвовали в его штурме, а части 2-й армии Войска Польского – в освобождении столицы Чехословакии Праги.) В период военных действий польская армия в оперативном отношении будет подчиняться советскому командованию, в вопросах же организации, личного состава и т. д. —главному командованию польских вооруженных сил. Соглашение определяло, что в зоне военных операций верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, сосредоточивается в руках советского главнокомандующего. (В феврале 1945г. зона была определена в 60 – 100 км.) Как только какая-либо часть освобожденной территории перестанет быть зоной непосредственных военных операций, ПКНО полностью возьмет на себя все гражданское управление. Статья 7 касалась принципов юрисдикции на территории Польши. Ее следует привести, поскольку она будет иметь последствия в будущем: польской юрисдикции (кроме польских вооруженных сил) «будет подчиняться также и гражданское население на польской территории, даже в тех случаях, когда это касается преступлений, совершенных против советских войск, за исключением преступлений, совершенных в зоне военных операций, каковые подлежат юрисдикции советского главнокомандующего»/171/.

Соглашение от 26 июля 1944 г. явилось официальным оформлением сложившегося в ходе войны сотрудничества, юридическим оформлением права СССР вести войну с Германией на территории Польши. Оно закрепляло отношения советской стороны с лагерем КРН и предопределило передачу власти в Польше Польскому комитету национального освобождения. Соглашение было аналогом, калькой соглашения СССР с правительством Чехословакии. Сделано это было сознательно (ибо тот текст был одобрен западными союзниками), для того чтобы, по воспоминаниям Осубки, «никто не мог нас обвинить, что мы заключаем соглашение, которое может затруднить признание западными державами ПКНО в качестве временного правительства». Однако чехословацкое соглашение заключалось от имени всех союзников, а польское —только от имени Советского Союза.

По постановлению ГКО предписывалось: «Имея в виду, что вступление советских войск в Польшу диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление противника и помочь польскому народу в деле освобождения его родины от немецко-фашистских оккупантов, в районах, занятых Красной армией, советов и иных органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить. Исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костелов, церквей и молитвенных домов не трогать… Право мобилизации населения, а также все другие права по управлению на территории Польши принадлежат только органам, создаваемым Польским комитетом национального освобождения. Никаких других органов власти, в том числе и органов польского эмигрантского правительства в Лондоне, кроме органов Польского комитета национального освобождения, не признавать, принадлежащая польским гражданам частная собственность, а также их личные и имущественные права находятся под охраной советских военных властей и органов Польского комитета национального освобождения, а также польской армии».

Вторым подписанным межгосударственным соглашением определялась линия границы между СССР и Польшей на основе предложений еще Верховного Совета Антанты 1919 г., получившая условное наименование «линия Керзона» (была сообщена советскому правительству в ноте английского министра иностранных дел Керзона). Восточная Пруссия делилась между СССР и Польшей. Север – Кёнигсберг с округой— отходил Советскому Союзу, остальная территория —Польше, Данциг и территория Вольного города— Польше. При определении государственной границы между Польшей и Германией СССР брал на себя обязательство поддержать требование Польши о прохождении ее по линии рек Одер/Одра и Западная Нейсе/Ныса

с оставлением Свинемюнде/Свиноуйсьце и Щецина/Штеттина в составе Польши. Естественно, это соглашение тогда гласности не было предано. Подписано оно было одновременно с соглашением об отношениях ПКНО и советского главнокомандующего, но поскольку стрелка часов перешла число 12, дата под соглашением о границе была поставлена 27 июля. 4 августа Ханеман подписал экономическое соглашение с СССР о поставках товаров в Польшу. (Все документы перепечатаны в книге: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. 1944 – 1945гг. – М.,1974.)

После подписания этих документов и прощального банкета члены ПКНО вылетели в Польшу. Известно, что Роля-Жимерский, например, был в Люблине уже 30 июля. С 1 августа Люблин стал местом пребывания ПКНО, по свидетельству Э. Дурачинского, и временной столицей страны. Полноценно функционировать ПКНО и ЦК ППР стали в первой декаде августа.

ПКНО был поставлен в тяжелое положение. Разоренная страна была разделена фронтом 5,5 месяцев на две части. Бои в новых границах в окруженном Вроцлаве продолжались до 6 мая 1945г. Бóльшая часть государства оставалась во власти нацистов. Сопротивление им приходилось вести в более тяжелых условиях, чем ранее: миллионы солдат вермахта стояли на польской территории. На освобожденных от нацистов районах Польши до Вислы стояли и воевали дивизии Красной армии. Но эти миллионы солдат были гарантами власти ПКНО. Советский Союз передавал власть в районах от Буга до Вислы радикальному меньшинству польского народа —Крайовой раде народовой, выразившей согласие на сотрудничество с СССР и принявшей условия взаимодействия, краеугольными камнями которого были граница по «линии Керзона» и общие геополитические задачи— обеспечение безопасности советского государства и Польши от возможности повторения германского нашествия.

ПКНО с первых же дней начал воплощать в жизнь программу, изложенную в его Манифесте, обнародованном по радио 22 июля, а в СССР опубликованном 25-го в газете «Известия». ПКНО отказал в праве на власть в Польше эмигрантскому правительству— «власти самозваной, несправедливой», которая опиралась на незаконную фашистскую Конституцию 1935 г. и к тому же тормозила борьбу с гитлеровскими оккупантами, и заявил, что от имени КРН «берет в свои руки власть на освобожденных территориях Польши», где «ни минуты не могут действовать какие-либо другие административные органы. Свою власть ПКНО будет осуществлять через рады народовы и своих уполномоченных. Приступая к воссозданию польской государственности, ПКНО провозглашал восстановление всех демократических свобод, равенство всех граждан перед законом без различия расы, вероисповедания и национальности, свободу демократических политических и профессиональных организаций, свободу слова и совести.

Фундаментом государственного строительства были провозглашены основные положения Конституции 1921 г. и система рад народовых. Особое внимание в строительстве государственного аппарата уделялось тем его звеньям, которые определяли и закрепляли победу новой власти— армии, милиции (в которую в основном была преобразована Армия людова), а так же государственной безопасности. Ее основой стал специальный батальон, сформированный при 1-й Польской армии. Основой внешней политики нового государства объявлялся прочный союз и добрососедские отношения с СССР, со всеми своими соседями, с Великобританией, США и другими демократическими странами. КРН и ПКНО признавали, что урегулирование советско-польской границы должно произойти на основе этнографических принципов, а на западе и севере должно последовать возвращение Польше ее исконных земель. Манифест заявлял требование о возмещении ущерба, который оккупанты нанесли стране. Экономические основы государства должны быть созданы путем немедленного проведения аграрной реформы – ликвидации помещичьего землевладения площадью более 50 га и продажей земельных наделов за скорее символическую плату в частную собственность сельскохозяйственным рабочим, мало- и среднеземельным крестьянам. Причем без выкупа земли у поме-

щиков, но с предоставлением им определенного возмещения землей в ином регионе. (Декрет о реформе был опубликован 6 сентября.) Провозглашалась конфискация собственности германского капитала и переход во временное государственное управление крупной промышленности, банков, транспорта, лесов более 25 га и бесхозного имущества. Гарантировалось возвращение захваченной оккупантами средней и мелкой собственности законным владельцам: крестьянам, ремесленникам и торговцам, мелким и средним предпринимателям, церкви. Провозглашались принцип государственной охраны этой собственности и поддержка частной инициативы, свободного предпринимательства, развития товарных отношений.

Важнейшими положениями манифеста были вопросы улучшения условий жизни, подъема материального уровня трудящихся, бесплатного образования до высшей школы включительно, уничтожения грабительских поборов с крестьян, увеличения заработной платы, создания системы социального обеспечения, охраны труда и т. д. Таким образом, главными идеями Манифеста были стремление к улучшению положения широчайших народных масс при сохранении частной собственности на землю и орудия и средства производства; проведение преобразований в интересах большинства народа; слом старой государственной машины под антифашистскими демократическими лозунгами, с учетом программ и требований людовцев, социалистов и буржуазии – той, чьи интересы выражали Стронництво працы и Демократическая партия, буржуазии, в тот момент не имевшей капиталов для столь серьезных вложений в разрушенную экономику. Мыслилась другая, чем в СССР, экономическая и правовая система. Другое было время, и другая страна должна была выйти из разрушительной войны.

Программа ПКНО всполошила «лондонский лагерь». Без промедления из Варшавы Соснковскому полетел доклад командования АК: «Отнять у Советов инициативу проведения в Польше общественных реформ и немедленно осуществить такие правовые мероприятия, которые вселили бы в широкие народные массы сел и городов полное доверие к польским руководящим кадрам… В связи с этим считаю необходимым… немедленное издание руководством страны декретов: а) о перестройке общественного строя Польши, включая безвозмездную земельную реформу крупных хозяйств; б) об обобществлении основных отраслей промышленного производства и создании советов коллективов предприятий; в) о всеобщей доступности образования и социального обеспечения; г) об основах новой избирательной системы в законодательные органы и органы самоуправления». Документ носил дату22июля1944г..

Одной из главных задач новой власти оставалось завершение борьбы за освобождение страны и возвращение западных и северных земель. Во имя выполнения этой задачи был объявлен призыв в армию и началось формирование 2-й армии Войска Польского. Мобилизовано было 110 тыс. призывников. Еще 60 тыс. прибыло с территории западных областей СССР. Строительство Войска Польского происходило с трудностями. За армию шла скрытая и открытая борьба обоих лагерей. По приказу командования АК, ее членам, если они насильно будут призваны в ее ряды, надлежало вести работу по разложению армии. Сражение за армию было одним из направлений борьбы правительственного подполья против власти ПКНО, а с января 1945 г. – Временного правительства. После провала попыток сорвать мобилизацию во 2-ю армию Войска Польского руководство АК поставило перед своими членами задачу идти в армию и вести пропаганду в пользу польского Лондона, подбивать солдат на невыполнение приказов и дезертирство. Дезертирство стало массовым. Генерал Серов, ответственный за спокойствие тылов Красной армии, в середине октября 1944г. доносил Берии, что из Войска Польского за 15 дней дезертировало две тысячи солдат. Оно было как бытовым (отлучались домой на копку картофеля; не хотели воевать, когда война кончается),так и политическим. В истории Войска Польского был факт увода «в лес» офицерами АК целого полка. Правда, разобравшись,

большинство солдат вернулось в казармы, но в Народной Польше больше не было полка под «беглым» номером 31. [8]

В числе задач перехода к новым условиям жизни в стране была необходимость ликвидации подполья, тайной жизни, вооруженных отрядов и групп. ПКНО предпринял необходимые шаги. Были приняты декреты, запрещавшие деятельность фашистских и военизированных подпольных организаций, в том числе и Армии крайовой. Всем, желающим продолжать борьбу против гитлеровцев, предлагалось вступить в регулярную армию —в Войско Польское. Вступающим гарантировалось сохранение полученных в подполье чинов и званий.

В этом же направлении шли распоряжения советского командования по очищению тыла армии от военных формирований, ей не подчиненных. 1 августа Ставка ВГК направила на четыре фронта, вошедшие в Польшу (1, 2, 3 БФ, 1 УФ), и командованию Войска Польского директиву №220169 о разоружении отрядов Армии крайовой. На следующий день командование 1БФ издало приказ, повторявший суть директивы Ставки и определивший конкретные меры по его выполнению. Причем делались определенные различия между отрядами АК разной политической ориентации, а также «остальными разоружаемыми отрядами»: «В связи с тем, что территория Польши восточнее р. Вислы в большей своей части освобождена от немецких захватчиков и нет необходимости в продолжении боевой работы партизан на этой части территории Польши, Ставка ВГК директивой от 01.08.1944 за №220169 приказала вооруженные отряды Армии крайовой, подчиненные Польскому комитету национального освобождения и желающие продолжать борьбу с немецкими захватчиками, направлять в распоряжение командующего 1-йпольской армии. Партизаны этого рода сдают имеющееся у них старое оружие, чтобы получить новое лучшее вооружение. Ввиду того что вражеская агентура стремится проникнуть в районы боев действующей Красной армии и осесть на территории освобожденной Польши под видом польских отрядов АК, Ставка приказала вооруженные отряды, входящие в состав Армии крайовой или других подобных организаций, несомненно имеющих в своем составе немецких агентов, при обнаружении немедленно разоружать». Офицеров интернировать, рядовых и младший начсостав направлять в запасной батальон 1-йпольской армии»/159;/.

Бескомпромиссность относительно вооруженных групп в тылу фронта диктовалась и тем, что вермахт оставил и продолжал забрасывать в советский тыл свои разведывательные и диверсионные группы, наряженные в советские или АК-овские мундиры. Именно поэтому директива от 1 августа предусматривала тщательную проверку разоружаемых формирований.

На 1БФ политическая сторона вопроса о разоружении АК вызвала беспокойство командования. Начальник политуправления фронта С. Ф. Галаджев 30 июля писал об этом в военный совет фронта, основываясь на примере разоружения 25 июля 1944 г. 27-й дивизии АК в г. Любартове, население которого восторженно встретило Красную армию. Он сообщал, что наибольшим влиянием и популярностью среди местных жителей пользуется АК, «поэтому вопрос о нашем отношении к партизанам Армии крайовой волнует не только самих партизан, но и широкие круги польского населения. При этом наиболее острым является вопрос о разоружении партизанских отрядов Армии крайовой». Очевидно, не зная приказов АК из Лондона и позиции командования АК, Галаджев посчитал, что «это мероприятие вызвало ряд политически вредных толкований среди партизан Армии крайовой и местного населения». Высказывалась такая мысль, что «партизаны других отрядов АК начинают уходить

[8] По поручению ПКНО, мобилизация могла, в соответствии с директивой Ставки ВГК, проводиться командованием Красной армии; госаппарат ПКНО только создавался и не везде еще функционировал. В фондах Музея советской/российской армии есть подлинник соответствующей листовки-объявления. Лондонский лагерь считал эти факты провокацией, нарушением польского суверенитета. Не устраивало их и то, что ж/д, все виды связи, а также военные предприятия стали работать под контролем советского командования. Надо отметить также и то, что на любое мероприятие ПКНО следовали протесты эмигрантского правительства. Отметим это, но не будем назойливо повторять.

в леса и надо полагать, что своего оружия без боя не отдадут». В 47-й армии также заметили, что несмотря на вроде лояльное отношение, партизаны АК к чему-то готовятся: идет скупка оружия, организуется сбор трофейного и другого вооружения. Накануне прихода Красной армии произведена мобилизация мужчин в отряды. Там также отметили, что «мужчин молодых (здоровых) во всех населенных пунктах очень много». При разоружении сдается непропорционально к численности отрядов мало оружия. Докладная записка военного совета 47-й армии в военный совет 1 БФ продолжала: «Директивой фронта №00/675/оп запрещено вести какие-либо переговоры с этими отрядами и приказано их разоружать. Если армия приступит к их разоружению, возможны серьезные эксцессы, и для этого надо выделять большие силы». Командование армии просило дать немедленные указания военного совета 1 БФ и предлагало «поставить вопрос о ликвидации этих вооруженных сил силами и средствами самих поляков»/159/.

На защиту АК бросились англичане. Ф. Т. Гусев, новый посол СССР в Великобритании, 1 сентября 1944г. сообщил, что Иден 31 августа вручил ему записку «Сообщения, полученные польским правительством относительно мер, направленных советскими властями против польской внутренней армии (т. е. АК –) и польских административных властей» с протестом против разоружения АК на территории СССР и Польши с 19 июля по 21 августа 1944 г. Она приводит 14 фактов разоружения, в том числе в Бориславе, Дорогобыче, Станиславове и Львове, засчитав их польскими, то ли игнорируя политическую историю 1939 г., то ли написав послание под диктовку польского правительства. А ведь Иден в университете изучал не только географию, но даже русский язык! (Как и персидский, тоже «восточный».) Впрочем, разоружали все отряды, в том числе советские, оказавшиеся в тылу Красной армии на территории Польши. Разоружались и группы Армии людовой, если они не преобразовывались в гражданскую милицию или органы госбезопасности. Разоружена была и британская военная миссия, сброшенная в конце декабря 1944 г. в Радомском округе, куда перебазировался штаб АК и где она встречалась с Окулицким. Свидетельства о недовольстве бойцов АЛ в связи с разоружением есть в материалах и протоколах ПКНО, Временного правительства и ведомства (министерства) общественной администрации, но оружие они сдали. *В. П.*

Очистка тыла действующей армии от вооруженных формирований, ей не подчиненных —явление международное и веками наблюдаемое, гаагскими конвенциями разрешенное. На Западе американское и английское командование разоружило более многочисленные французские и итальянские силы сопротивления и относительно немногочисленные, но весьма значительные к численности населения страны— бельгийские, датские и т. д. Но ни у кого это не вызвало такой бурной реакции, как у «лондонского» лагеря. Причиной в Польше было то, что действия по интернированию и разоружению АК объективно и субъективно отвечали интересам КРН и ПКНО, политического соперника Лондона —лагеря антикоммунизма и русофобии, лагеря, который проблемы власти стремился решать не на путях политической борьбы и поиска компромисса, а силой оружия. Так возникла для польской историографии «проблема Армии крайовой».

5.22. Накануне восстания. Положение на советско-германском фронте под Варшавой

В числе сложных военно-политических проблем, сопровождавших вступление Красной армии в Польшу, одной из наиболее острых была проблема отношений советской стороны с польским правительством в эмиграции, а также с подчинявшимся ему «подпольным государством».

Для СССР в его концепции послевоенного мира и создания зоны безопасности от повторения германской агрессии Польше отводилась первостепенная роль, определяемая ее геополитическим положением. Обновленная Польша должна была стать ядром системы государств Центральной Европы, которые, по формулировке августа 1944 г.,шли бы с СССР, а не за СССР против общего (потенциального) агрессора Германии, оказывая друг другу политическую, военную и экономическую помощь. Сталин заявил Миколайчику 9 августа 1944 г., что «советские руководители хотят установить дружбу между польским и советским народами и повернуть в этом смысле историю». Органы же правительства в стране распространяли среди населения слухи, что немцы-угнетатели уходят, а приходят новые угнетатели – русские, что одна оккупация сменяет другую.. После 21 июля их непосредственной целью стал захват власти в столице. Стремление опередить Красную армию с освобождении Варшавы, а ППР и ПКНО с провозглашением своей власти в ней. За пару недель до создания ПКНО Бур сообщал в Лондон, что из-за силы гитлеровцев и насыщения территории немецкими фронтовыми частями вооруженное выступление АК не будет иметь успеха. Но от самой идеи не отказались, и она продолжала дебатироваться в РЕН и делегатуре. В командовании АК царили настроения «в любую минуту готовы к борьбе за Варшаву». Именно эти настроения позволили принять указание шифрограммы Миколайчика от 26 июля о единогласном решении правительства поднять восстание в Варшаве. И ответить именно этими словами. Конкретную дату восстания оставили на усмотрение командования АК. Историки не уверены, что Миколайчик передал решение правительства. Заседание правительства состоялось лишь на следующий день после посылки депеши в Варшаву. Поэтому есть авторы, «подгоняющие» даты. Часть министров впоследствии отрицала, что они согласились на организацию восстания. В частности, против восстания был министр обороны генерал М. Кукель. Никакого единогласия в принятии решения, следовательно, не было. Но Бур получил решение правительства и указание от генерала С. Копаньского, начальника штаба главнокомандующего, и принял его к исполнению/18/. Миколайчик же 26 июля в сопровождении Ромера через Каир и Тегеран вылетел в Москву на переговоры со Сталиным, которые для него выговорил Черчилль. Польскому премьеру нужны были в предстоящих дебатах сильные аргументы. Особенно после опубликованного 25 июля протеста правительства против создания ПКНО, составленного отнюдь не в дипломатических выражениях: «Особы, входящие в состав этого комитета, в основном абсолютно не известны польскому обществу и не представляют никого, кроме немногочисленной и не имеющей значения в обществе коммунистической группы. Это попытка горстки узурпаторов навязать польскому народу политическое руководство, не соответствующее воле огромного его большинства. Народ польский… который в подполье создал полную организацию государственных властей, никогда не подчинится навязанной ему чуждой воле» (obcej woli можно перевести и как «иностранной воли») /172/ /Восстание представлялось сильны аргументом..

Гитлеровцы всегда внимательно следили за действиями подпольщиков и пытались их контролировать. «Нацисты признавали, что благодаря их разветвленной агентурной сети в движении Сопротивления им всегда были известны намерения и имена большей части членов АЛ и АК, двух основных военно-политических организаций». В мае 1944 г. гестапо крупно повезло. Оно арестовало главу разведслужбы АК по Познани. При нем оказались интересу-

ющие их документы о дальнейших планах организации. АК-овец «раскололся» и дал среди прочих показания о намерении восставать. Немецким органам безопасности удалось внедрить шпионку в штаб АК, в результате они имели фотокопии всех распоряжений, приказов и иных значимых материалов командования АК.

Известие о решимости АК поднять восстание в Варшаве привело к «нетрадиционной» встрече в июле 1944 г. в Юзефове, пригороде Варшавы, группенштурмфюрера СС Пауля Фукса и командующего АК Тадеуша Бур-Коморовского. Польская служба безопасности впоследствии завербовала переводчика немцев на этой встрече, и он рассказал, что происходило в Юзефове. Миру поведала это газета Die Zeit («Время») в июле 1994 г. и перепечатала российская пресса. (Дело было в связи с 50-летием восстания.) Предложенный Буром «бескровный» переход Варшавы в руки АК и уход вермахта за границу города без преследования со стороны АК не устроил группенштурмфюрера СС.

Генерал М. А. Гареев в работе «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства» приводит часть этой публикации:

«Фукс. Пан генерал, до нас дошли слухи, что вы намерены объявить о начале восстания в Варшаве 28 июля и что в этом направлении с вашей стороны ведутся активные приготовления. Не считаете ли вы, что такое решение повлечет за собой кровопролитие и страдания гражданского населения?

Коморовский. Я только солдат и подчиняюсь приказам руководства, как, впрочем, и вы. Мое личное мнение не имеет здесь значения. Я подчиняюсь правительству в Лондоне, что, несомненно, вам известно.

Фукс. Пан генерал, Лондон далеко, они не учитывают складывающейся здесь обстановки, речь идет о политических склоках. Вы лучше знаете ситуацию здесь, на месте, и можете информацию передать в Лондон.

Коморовский. Это дело престижа. Поляки при помощи Армии крайовой хотели бы освободить Варшаву и назначить здесь польскую администрацию до момента вхождения советских войск… Я знаю, вам известны места, где я скрываюсь, что каждую минуту меня могут схватить. Но это не изменит ситуации. На мое место придут другие, если Лондон так решил, восстание, несомненно, начнется»/По тексту в Интернете/. [9]

26 июля 1944 г. разведывательный отдел штаба 9-й армии вермахта доносил в штаб армии «Центр»: «По сообщениям источников информации, польскому движению Сопротивления объявлена степень готовности 2 (готовность). Требуется повысить внимание. Усилить охрану складов (особенно боеприпасов и вооружения) от нападений. Боевому коменданту принять требуемые меры в районе Варшавы»/159;/.

Глава службы безопасности генерал-губернаторства гауптфюрер СС Альфред Шпилькер еще в 9 часов утра 1 августа вновь надеялся уговорить командование АК отменить приказ о начале восстания. В 11 часов он в отчаянии вернулся с переговоров в свой офис: «Теперь начнется!» (Некоторые польские авторы пишут, что колебания по вопросу «начинать восстание или нет» все-таки были. Поэтому и ушли из города некоторые отряды АК.)

Для гитлеровского командования восстание, как писал Г. Гудериан, начальник штаба сухопутных войск вермахта, «непосредственно в тылу наших войск явилось чрезвычайно опасной угрозой». Оно нарушало связь с фронтом, создавало угрозу установления взаимодействия между русскими и восставшими поляками. Кроме того, все происходило в 160 км от бункера Гитлера, в нескольких десятках км от границы Германии, а 1 БФ прошел за операцию «Багра-

[9] В мемуарах Бур пространно описывал, как к нему на квартиру (личную) заявились немцы с досмотром. Впрочем, все кончилось невинно. Пришельцы удалились, оставив жильцов в шоке, но в целости и сохранности. Хотя Бур шумно требовал отвести его для выяснения в полицию, почему к нему вломились.

тион» такое же расстояние, какое оставалось от Варшавы до Берлина. Именно поэтому немецкая служба безопасности загодя пыталась уговорить Бура отказаться от проведения восстания.

Еще одной задачей летнего наступления советских войск, кроме выпроваживания непрошеных гостей из пределов государства, было выполнение тегеранских договоренностей. В столице Ирана Сталин обещал в случае открытия второго фронта во Франции поддержать союзников наступлением на советско-германском фронте, дабы командование вермахта не могло снять дивизии с восточного и передислоцировать их на западный фронт. 6 июня 1944 г. Черчилль сообщил Сталину о начале успешной высадки англо-американских войск в Нормандии. Операция «Оверлорд» началась. В тот же день Черчилль получил ответ, подтверждавший, что «летнее наступление советских войск, организованное согласно договоренности на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развиваться этапами, путем последовательного ввода армий в наступательные операции. В конце июня и в течение июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск. Обязуюсь своевременно информировать вас о ходе наступательных операций». Эта же телеграмма была повторена Рузвельту/173/. Сталин впоследствии прокомментировал высадку в Нормандии союзнических войск главе французских коммунистов Морису Торезу: «Конечно, англо-американцы не могли допустить такого скандала, чтобы Красная армия освободила Париж, а они сидели на берегах Африки»/173/. В Потсдаме он напомнил американцам, что царь Александр до Парижа дошел.

Через два дня на стол Черчилля легло послание: «Подготовка летнего наступления заканчивается. И завтра, 10 июня, открывается первый тур нашего летнего наступления на Ленинградском фронте». За ним пошел в наступление Карельский фронт. 21 июня Черчиллю было сообщено, что «не позднее, чем через неделю, начнется второй тур летнего наступления советских войск. В этом наступлении будут принимать участие 130 дивизий, включая сюда бронетанковые дивизии. Я и мои коллеги рассчитываем на серьезный успех. Надеюсь, что наше наступление окажет существенную поддержку операциям союзных войск во Франции и Италии». 23 июня начался «Багратион».. К концу июля наступление шло на всем фронте от Баренцева моря до Карпат/173/.

Хотя 1944 г. был годом наивысшего взлета производства германской промышленности, СССР обогнал Германию, и материальные возможности советского государства позволили сосредоточить крупную группировку войск (1 841 200 солдат и офицеров), которая превышала противостоявшие ей войска вермахта группы армий «Центр» (1 088 400). И не только по численности, но и по оснащению боевой техникой.

Прорвав фронт армий «Центр», окружив и уничтожив часть ее войск, Красная армия стремительно продвигалась на Запад со средним темпом 21,6 км в сутки. Успехи позволили Ставке ВГК уточнить и расширить задачи фронтов. В начале июля, когда обсуждался на совещании у Сталина вопрос о корректировании задач наступавших фронтов, заместитель главнокомандующего маршал Г. К. Жуков, по его словам, на вопрос, смогут ли советские войска без остановки начать освобождение Польши и дойти до Вислы, ответил утвердительно. И добавил: не только дойти, но создать плацдармы для последующего наступления на Берлин/174/.

7 июля Ставка утвердила модернизированный план операций 1БФ по началу освобождения Польши. Войска фронта должны были на третий-четвертый день операции форсировать реку Западный Буг и развивать наступление в северо-западном и западном направлениях, чтобы к концу июля главными силами выйти на рубеж Лукув – Люблин. 17 – 20 июля войска 1 УФ и 1 БФ подошли к границам СССР и форсировали Западный Буг.

27 июля 1944 г. директива Ставки Верховного Главнокомандования приказала командующему 1 БФ маршалу К. К. Рокоссовскому: «1) После овладения районом Брест и Седлец правым флангом фронта развивать наступление в общем направлении на Варшаву с задачей не позже 5 – 8 августа овладеть Прагой и захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев в рай-

оне Пултуск, Сероцк. Левым крылом фронта захватить плацдарм на западном берегу р. Висла в районе Демблин, Зволень, Солец». Захваченные плацдармы надлежало использовать для последующего форсирования рек Нарев и Висла и наступления в направлении Торн/Торунь, Лодзь. В тот же день 2 БФ была дана директива не позже 8 – 10 августа овладеть рубежом Августов, Граево, Стависки, Остроленка, создать плацдарм на западном берегу р. Нарев в районе Остроленки, закрепиться для подготовки к вторжению в Германию со стороны Восточной Пруссии в направлении Млава, Мариенбург, Алленштейн/Ольштын. Ставка считала первостепенной задачей форсирование Вислы, что подчеркивалось в директиве от 29 июля. Командующим 1 УФ и 1 БФ указывалось на важность человеческого фактора: «Ставка обязывает вас довести до сведения всех командиров вашего фронта, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, получат специальные награды орденами, вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза»/159/.

Конфигурация линии фронта в районе Варшавы к началу августа сложилась опасная для Красной армии. Над вырвавшимися вперед до Вислы частями с севера нависал 200-километровый, еще не ликвидированный клин позиций вермахта, который угрожал флангу 1-го Белорусского фронта. 47-я и 65-я армии были еще в окрестностях Бреста, завершая операции по ликвидации тамошнего котла. Гитлер объявил Варшаву крепостью. Командованию вермахта была дана директива во что бы то ни стало предпринять контрнаступление. Для стабилизации фронта в ходе операции «Багратион» немецкое командование перебросило с других участков фронта и с запада 46 дивизий и 4 бригады.

Левое крыло 1 БФ вышло 25 июля 1944 г. к Висле в районе Демблина. Выполняя директиву Ставки от 27 июля, они с 1 августа захватили плацдармы на западном берегу Вислы в районе Магнушева и Пулав (южнее Варшавы). Предполагалось, что с этих плацдармов соединения генерала Чуйкова и части 1 ПА (Польской армии) двинутся на Варшаву по западному берегу Вислы. Авангард 1 БФ – 2-я танковая армия – двигалась вдоль восточного берега Вислы в направлении Праги, предместья Варшавы на ее правом берегу. Правое крыло фронта, обойдя Брест, наступало на Варшаву —Прагу с востока, дойдя до Минска-Мазовецкого. 30 июля 3-й танковый корпус 2 ТА овладел Кобылкой, в 8 км к северо-востоку от Праги. 16-й танковый корпус захватил Погулянку и уперся в сильно укрепленную оборонительную полосу. 8-й гвардейский танковый корпус в районе Минска-Мазовецкого атаковала дивизия «Герман Геринг», подоспевшая из Западной Европы. Однако оказалось, что к Варшаве во второй половине июля были подтянуты 16 дивизий, из них не одна, а четыре свежие танковые дивизии, в том числе СС, снятые из Италии, Голландии и Румынии, и ряд пехотных соединений. Завязавшиеся на ближних подступах к Варшаве бои 2 ТА, проведшей уже сражения по захвату Люблина, Демблина, Пулав, на этот раз складывались не в пользу советских танкистов.

В ходе наступления советские войска несли значительные людские и материальные потери. Отрыв от баз снабжения привел к перебоям со снабжением горючим и боеприпасами. Базы не успевали перебазироваться за уходившими на Запад армиями. Тыловое хозяйство фронта стало отставать уже на 400 – 450 км от наступавших войск. В результате в войсках назревало критическое положение с доставкой боеприпасов и горючего (слишком большое «плечо» доставки приводило к недостатку оборотной тары и автотранспорта). Вкупе с людскими потерями это вело к замедлению темпов наступления. К концу июля – почти в два раза – до 13 км в сутки. Возникли трудности и задержка с прокладкой бензопроводов до Вислы. Железнодорожные войска не стали успевать восстанавливать синхронно с наступавшими войсками пути и одновременно перешивать их на широкую колею. 31 июля 1944 г. Рокоссовский сообщал в генштаб: «Постоянный отрыв войск от баз снабжения из-за отставания восстановления железных дорог создает трудности в снабжении горючим». Маршал просил для смягчения проблемы и возможности подачи горючего через Вислу срочно сформировать батальон по перекачке горючего, передав в его распоряжение бензопровод с перекачивающими

средствами и оборудованием, и подать его по железной дороге на Люблин. Начальник тыла фронта Н. Антипенко писал: «После завершения наступательных операций в Белоруссии (июль-август 1944 г.) состояние тыла было крайне напряженным и требовались большие организационно-хозяйственные мероприятия, чтобы пополнить запасы в войсках, эвакуировать в тыл значительное число раненых, улучшить коммуникации и приблизить к войскам фронтовые базы и склады. Глубина тыла в начале августа 1944 г. достигала 800 км. Подвоз автомобильным транспортом на расстояние 400 – 500 км в один конец уже не давал эффекта. Все это не могло не сказаться на боевой деятельности войск. 2-я танковая армия, например, вынуждена была перейти к обороне на подступах к Варшаве из-за отсутствия горючего. О проведении дальнейших наступательных операций не могло быть и речи»/175/. Не последней задачей стала необходимость пополнения людских потерь: только за август и только 1 БФ потерял 114 400 человек, в том числе 23 483 убитыми, 76 130 ранеными. По уточненным данным, 178 507 были убиты, ранено было 587 308 солдат и офицеров. Безвозвратные потери по четырем фронтам на территории Польши составили 440 879 человек или 29,8% общей численности личного состава. Потери в материальной части в ходе операции составили 2 957 танков и САУ, 2 447 орудий и минометов, 822 самолета, 183,5 тыс. единиц стрелкового оружия. Только 2ТА в боях с 5 июля по 29 августа потеряла 989 танков и САУ (в том числе 652 Т-34), что составило соответственно 122% и 134% от первоначальной численности машин. Если бы не было пополнения, то 2 ТА была бы полностью уничтожена /176/. 2-я танковая армия, ослабленная непрерывным двухнедельным наступлением с тяжелыми боями, к тому же лишилась прикрытия с воздуха. 16-я воздушная армия, которая взаимодействовала с левым крылом фронта, не успела получить новые аэродромы и перебазироваться ближе к фронту и тоже испытывала трудности с горючим. Располагая почти 1 400 самолетами, она смогла 29 июля совершить всего 95 боевых вылетов, а 30 июля —232. (18 – 20 июля авиация делала в сутки по 3 тыс. самолетовылетов.) Командующий 2ТА генерал А. И. Радзиевский, замещавший раненого генерала С. И. Богданова, в донесении 30 июля «убедительно просил» командование 1 БФ: «2) Прикрыть истребительной авиацией р-н армии. 3) Наша авиация совершенно бездействует…5) Ускорить подачу горючего и масла» и заключает: «Начинаю выдыхаться». Маршал авиации, а тогда генерал-полковник С. И. Руденко, командующий 16-й воздушной армией, в мемуарах «Крылья победы» писал о событиях тех дней: «Для немедленного наступления на Варшаву у нас пока не было сил. А боевая авиация по условиям своего базирования в районе Варшавы вообще действовать не могла, за исключением истребительных полков, расположенных на передовых аэродромах и перекрывающих переправы». Определенное напряжение было и с боеприпасами, сказывалось (кроме сбоя в подходе эшелона с боеприпасами) активное наступление всего полуторатысячного почти фронта. 1 августа в 4 часа 10 минут по Москве (в 2:10по Варшаве) генерал Радзиевский отдал приказ о переходе к обороне. Но передохнуть танкистам не удалось. Утром 1 августа гитлеровцы начали атаку из района Радзимина. [10] [11]

---

[10] 1 БФ в сутки требовалось 1 300 вагонов грузов. С 8 июня по 1 сентября было восстановлено 1 709 км главных путей, 367 мостов. Железнодорожные части старались идти со скоростью наступавших войск – по 26 – 28 км в сутки. По выгрузочным станциям и ж/д узлам гитлеровская авиация непрерывно наносила удары. Зафиксирован был в ходе операции 1 161 налет, 86 304 бомбы обрушились на пути, спровоцировав 272 перерыва движения поездов, в среднем по 7 часов 12 минут. Например, на Витебск, Оршу, Минск было обрушено по 1 500 – 2 000 бомб.

[11] В ответ на запросы от 1 БФ о поплнении исчерпанных запасов боеприпасов и их накоплении на будущее был получен малоутешительный ответ Главного артиллерийского управления (ГАУ) по боеприпасам: «Ресурсы ГАУ по боеприпасам в данное время исчерпаны отправкой боеприпасов по основному плану накопления запасов для трех белорусских и 1-гоукраинского фронта и дополнительным отпуском, произведенным 20 – 25 сентября для прибалтийских фронтов». (Напомним, что в Латвии советские войска окружили и добивали группировку вермахта численностью большую, чем под Сталинградом: первоначально 500 тыс. солдат, дабы она не могла вырваться и усилить части вермахта в Восточной Пруссии и Польше.) ГАУ продолжал: «Поэтому обеспечение в размере трех боекомплектов частных операций трех белорусских и 1-го украинского фронта приходится отнести за счет подачи боеприпасов, предусмотренных основным планом накопления… Дальнейшее повышение обеспеченности этих фронтов до норм, установленных Ставкой, явится возможным провести лишь в срок

В результате создания в сентябре 1944 г. плацдармов севернее Варшавы на Нареве и действий 2-го и 3-го Белорусских фронтов Красная армия вплотную подошла к границам Германии в Восточной Пруссии.. Гаубицы 3 БФ символично смогли обстрелять территорию Восточной Пруссии. Во исполнение приказов Гитлера по стабилизации стратегического фронта на польских землях 15 августа командир 7-й танковой дивизии, действовавшей на северо-восток от Кельмы (Хелмно?), выражал подчиненным «признательность за приостановление наступления русских на Восточную Пруссию»: «Веря в нашу непоколебимую силу и фюрера, мы добьемся того, чтобы ни один большевик никогда не переступал немецкой государственной границы». Приказ солдатам 40-го танкового корпуса (05.09.1944) истерически призывал верить в чудо, чудо-оружие, которое спасет Германию. Он гласил: «Мы будем обороняться и биться до тех пор, пока не подойдут подкрепления, мобилизованные рейхсминистром Гиммлером, и пока не будет применено новое оружие… Отогнать большевиков от наших границ… На Восток! Ни шагу назад. Судьба нашей Родины, наше будущее в наших руках. У нас один выход: фанатическая борьба до последнего, за нашего фюрера, за наш народ, за наше отечество». Они исполняли директиву фюрера: в июле Гитлер заявил, что заставит последний немецкий батальон сражаться на развалинах последнего немецкого города/178/. Мечты о чуде были не совсем беспочвенны— Германия почти стояла на пороге создания атомного оружия, континентальных ракет, прообразом которых были радиоуправляемые самолеты-снаряды «Фау-2» и ряд иных видов вооружения и боевых средств.

Для Германии бои на Висле и по Нареву были боями не столько за Варшаву, сколько за спасение гитлеровского режима, что определяло их особую ожесточенность. А развилка этих рек имела для вермахта и символическое значение: по междуречью Вислы и Нарева проходила новая граница рейха. Переступив Нарев и создав плацдарм на его берегу, большевики окажутся в Германии.

Начальник генштаба сухопутных войск вермахта генерал Г. Гудериан принимал меры, чтобы остановить наступление советских войск, удержать фронт на подступах к границам Германии, отстоять линию рек Вислы и Нарева. Важная роль отводилась удержанию Варшавы – центра коммуникаций, при захвате ее мостов— возможности форсирования Вислы сразу крупными массами войск. К четырехугольнику крепостей (Новогеоргиевск/Модлин, Ивангород/Демблин, Брестская крепость, Варшавская цитадель) гитлеровцами были построены новые оборонительные линии на подступах к Праге. Восполняя свои потери, командование вермахта перебрасывало против 1 БФ все новые силы. Как уже говорилось, со второй половины июля – 16 дивизий, из них 4танковые дивизии и ряд отдельных бригад и полков. Накануне 1 августа три ночи подряд через Варшаву и ее мосты двигались танковые армады. Особую угрозу для себя гитлеровское командование увидело в наступлении левого крыла 1 БФ вдоль Вислы в направлении на Прагу, правобережную часть Варшавы, куда шел танковый таран фронта —2-я танковая армия. Она рассчитывала обойти Варшаву с северо-востока и выйти к реке Нарев. К 30 – 31 июля советские танковые части заняли Отвоцк, Радзимин и Воломин, отрезая отход гитлеровцам, сражавшимся в районе Седльце, Минск-Мазовецкий. На советский танковый авангард, шедший к Праге без поддержки пехоты, к тому же испытывавший трудности с топливом и боеприпасами, ударили танковые дивизии, подкрепленные иными частями 9-й армии силой до трех дивизий. Ударили они сразу с трех сторон. Парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг» и 19-я танковая— со стороны Праги, 4-я танковая— с севера, 5-я танковая СС «Викинг» и 3-я танковая СС «Мертвая голова» —с востока. Они имели решающий перевес над 3-м советским танковым корпусом, вырвавшимся вперед и значительно оторвавшимся от основных сил. 50-я и 51-я танковые бригады 3-го танкового корпуса, как аккуратно сооб-

---

до 15 ноября 1944 г.». На 1 БФ ввели (3 ноября) своеобразный режим экономии, требовали прекратить «преступное разбрасывание» снарядов и патронов, попытки предпочесть базирование снабжения войск не на своих запасах, а на получении новых из центра /177; РА, -Русский архив №23-12-4, с. 368 – 370/.

щало боевое донесение, «из района боевых действий не вышли». 2 —3 августа гитлеровские части отбили Радзимин и Воломин и были задержаны только под Окуневом. Произошла крупнейшая на польских землях танковая битва: 500 (по другим сведения— 600) танков с немецкой стороны, 400 танков – с советской. «Русский архив», №14-3-1, приводит такие цифры: перед фронтом советской танковой армии стояло 51,5 тыс. человек, 1 158 орудий и минометов, 600 танков и САУ (с. 209). У советской стороны по «Справке 2-й танковой армии о составе и обеспеченности армии по состоянию на 4 августа 1944 г.» всего по армии, без 3-го танкового корпуса, осталось 344 машины. На 18 июля в армии имелось 810 танков и САУ. Согласно боевому донесению от 02.08.1944, за период боевых действий с 20 по 31 июля потери 2 ТА составили убитыми —582, ранеными – 1 581, пропавшими без вести —52 человека, за период по 8 августа убито было 991, ранено —2 852, без вести пропало – 442 человека. Потеряно 244 бронеединицы, не считая другого вооружения/178/. Неблагоприятный для Красной армии исход этих танковых боев позволил гитлеровцам на время перекрыть советский план овладения правым берегом Вислы и Прагой и создать плацдармы к северу от Варшавы. Гитлеровцам, по их признанию, удалось оттеснить советские части примерно на 30 – 40 км от Варшавы – Праги. Ценой значительных потерь 2 ТА и сменившей ее 47-й армии удалось удержать фронт. 8 августа 2-я танковая армия была выведена в тыл. В тот момент она имела всего 26 танков и 4 САУ. Больше половины потерь пришлось на бои 31 июля – 8 августа. Положение на фронте оставалось тревожным. Над советскими частями продолжал нависать с севера клин, создававший в любой момент угрозу контрудара вермахта во фланг или тыл соединениям, которые вышли бы к Висле. К тому же правый фланг фронта был ослаблен выведением двух армий в резерв Верховного Главнокомандования. Стояла задача удержать столь выдвинутые вперед позиции. Присылаемые пополнения не полностью восполняли потери. К тому же новобранцы были в основном из западных областей, необученные, не знакомые с техникой, не обладающие воинскими навыками. Приходилось учить их, а не бросать в бой.

Но захлебнулось и немецкое наступление. Их потери также были велики. Вскоре Сталин скажет Беруту, председателю КРН, что обе стороны не смогли под Варшавой реализовать свои стратегические планы/179/.Эта характеристика кочевала по работам до начала нынешнего века. Рокоссовский на вопрос английского корреспондента А. Верта 26 августа 1944 г. «Думали ли Вы 1 августа, что сможете уже через несколько дней овладеть Варшавой?» ответил: «Если бы немцы не бросили в бой этих танков, мы могли бы взять Варшаву, хотя и не лобовой атакой, но шансов никогда не было больше, чем 50 из 100. Не исключена была возможность немецкой контратаки в районе Праги…» «Было ли Варшавское восстание оправданным в этих обстоятельствах?» «Нет, это была грубая ошибка. Повстанцы начали его на свой страх и риск, не проконсультировавшись с нами». «Но ведь была же передача московского радио, призывавшая их к восстанию?» «Ну —это были обычные разговоры»/180/. [12]

Однако в Лондон полетело полученное там 2 августа сообщение: «Делегат правительства на Край (Польшу) и главный комендант Армии крайовой сообщают, что 1 августа в пять часов пополудни отряды Армии крайовой приступили к открытой борьбе за овладение Варшавой».

[12] Причины неудачи советских войск под Варшавой в 1944г. Сталин объяснил польской правительственной делегации следующим образом (по речи Берута на заседании ЦК ППР 9 октября 1944г.): «Торможение военных действий было естественным результатом предыдущего наступления, которое глубоким клином врезалось на запад, передвинув фронт на 500 км… Необходимо подтягивание тылов. Поскольку Красная армия передвинулась более, чем на 500 км, было естественным, что действия ее должны были задержаться. Правда, советское командование надеялось, что удастся использовать панику среди врага и занять также Варшаву, что дезорганизованный противник не сможет достаточно быстро организовать оборону. Однако оказалось, что транспорт с боеприпасами не подошел вовремя, а два дня запоздания хватило для того, чтобы противник смог подтянуть резервы… Дальнейшие военные перспективы на польском участке Сталин связывал, – говорил Берут, – с ликвидацией с севера над советским прорывом гитлеровского клина, с очищением Пруссии и северо-балтийского региона… Очень большое внимание Сталин приписывал изгнанию противника из треугольника Зегже – Модлин – Варшава. Варшава будет взята в результате большого охватывающего маневра. Подготовка ведется. Она потребует 2 – 3 месяца». Медлить было нельзя: 11 августа войска западных союзников перешли границу Германии. Кому достанется Берлин?

5.23. Восстание в Варшаве началось: восставшие наступают (1 – 4 августа)

Итак, информация, полученная из Москвы о создании ПКНО, всколыхнула «польский Лондон» и озаботила У. Черчилля. В Москву поступил запрос британского премьера о возможности приезда в СССР Миколайчика, который, дескать, стремится к объединению всех поляков. Сталин 23 июля ответил согласием, но было бы лучше, чтобы Миколайчик обратился к ПКНО, который относится к нему доброжелательно. Направить Миколайчика в Москву стремился и Рузвельт. В польском правительстве нашли «веский контраргумент», «козырную карту» для своего премьера на предстоящих переговорах. Им будет захват власти в столице до вступления в нее Красной армии. После захвата Варшавы туда должно было немедленно прибыть польское правительство во главе с Миколайчиком, что было выявлено советской разведкой и усилиями разведки Армии людовой/159/. 27 июля Рачинский (польский посол в Лондоне) довел решение Совета министров Польши до сведения британского правительства и представил Идену просьбы Бура-Коморовского. Они сводились к четырем пунктам: 1) прислать на помощь Варшаве парашютную бригаду генерала С. Ф. Сосабовского; 2) бомбить немецкие аэродромы вблизи Варшавы; 3) выслать в распоряжение АК четыре польских дивизиона истребителей; 4) огласить по радио коммюнике о признании за АК прав комбатантов/181/. Иден усомнился в технической выполнимости запрошенного, а 28 июля прямо отказал: Польша— зона операций Красной армии. Англичане не могут предпринимать воздушных операций, если они не скоординированы с русскими. Относительно бригады Сосабовского – у Англии другие планы ее использования.29 июля генерал Татар обратился с запросом к шефу СОЕ С. Гиббинсу направить в Варшаву союзническую военную миссию. Все это свидетельствовало, что польская сторона не считалась с произошедшим уже разделением между союзниками театров военных действий и не желала понимать, что ключ к Варшаве находится в Москве, а АК не может организовывать собственную войну. [13]

30 июля в Варшаву нелегально прибыл эмиссар от польского Лондона Реттингер с сообщением об отрицательном решении британского правительства и мнением, что «эффект восстания и влияние его на правительства и общественное мнение в лагере союзников будет бурей в стакане воды», но восстание облегчит Миколайчику политическую игру. Не все в лондонском правительстве разделяли точку зрения Миколайчика. Министр национальной обороны М. Кукель считал, что Красная армия не сможет скоро взять Варшаву, и категорически выступал против бессмысленного восстания. О позиции Соснковского, который, как главнокомандующий, единственный имел право издать приказ о восстании в столице, мнения историков разделились. Генерал Андерс в те дни уговаривал Соснковского, который находился в расположении его частей в Италии, открыто выступить против Миколайчика и дать приказ, запрещающий восстание. (По польским законам только главнокомандующий мог дать приказ о восстании. Помните, что писала подпольная пресса в 1941 г.) На что Соснковский вроде бы ответил: «Они меня не послушают, а послушают Миколайчика. Восстание —вопрос политический, а не военный». После войны генерал отрицал свое согласие на восстание. Посылаемые им

[13] 1-я отдельная парашютная бригада в составе британского десантного корпуса участвовала 17 – 25 сентября в операции «Маркет-Гарден». Ее целью было овладеть, высадив десант, голландским городом Арнем, расположенном на северном берегу Рейна. Приземление британцев произошло штатно: город они захватили. Чего нельзя было сказать о поляках. Один их эшелон приземлился на южном берегу Рейна, другие – в 30 км от города. Пока «дальние» добирались до города, «южные» с трудом преодолевали Рейн. Город немцы отвоевали. 25 сентября остатки британской парашютной дивизии отступили по оставленному для них гитлеровцами узкому коридору. Полякам приказали прикрывать их отступление. Об их судьбе британцы не позаботились. Оставшиеся в живых (по некоторым данным – 20% личного состава) спасались вплавь на англо-американскую сторону реки.

телеграммы в центр или не пересылали Буру в Варшаву под предлогом, что они противоречат решению правительства, или «редактировали». В издании «Армия крайова в документах», том 4, есть его шифрограмма от 28 июля 1944 г. Буру с положением, что восстание лишено политического смысла и повлечет за собой лишь ненужные человеческие жертвы. Шифрограмму эту перепечатали в сборнике «Варшавское восстание» 2016 г., /182/. Вроде главнокомандующий против восстания, но присылается приписка, последняя фраза в которой —о том, что, если представится возможность, то поднять восстание в крупном городе. После войны Соснковский отказался дать интервью историку Я. К. Заводному и уточнить, каково же все-таки было его мнение в августе 1944 г. Соснковский отговорился состоянием здоровья и тем, что он уже передал все материалы другому автору —Бабинскому. В книге этого автора такая же «ясность», как в издании документов/183/. Шифрограмма Соснковского в Лондоне была задержана президентом Рачкевичем и фальсифицирована. В Варшаву она пришла с протестом против бессмысленного восстания…6 августа. Историк А. Пшемыский, биограф Окулицкого, утверждает, что именно Соснковский был за восстание и направил в Польшу в мае 1944 г. Окулицкого. Пельчинский в 70-е годы сказал, что если бы он знал о намерении Советов не брать Варшаву сразу, то выступил бы против организации восстания/184/. Интересный штрих— все руководители Варшавского восстания начинали свою карьеру как офицеры австро-венгерской армии. Генералы, выступавшие против бессмысленного восстания —начинали свои карьеры в российской царской армии. Единственное исключение – С. Татар, по должности сочинявший очередные сценарии восстания, но он выступал за установление связи с Красной армией.

Леопольд Окулицкий, соглашавшийся, что он был главным «мотором» принятия решения о восстании, выдвигал девять причин, почему его следовало провести. Правда, перечислял он причины летом 1945 г. на Лубянке, когда его карьера закончилась, а адресатом собственноручных показаний был Л. Берия. Причины разнородны. Первая и главная – вопрос о власти в Варшаве, в Польше, и опасение, что в противном случае свое слово мог сказать люд столицы Польши. Он считал, что господствовавшие в городе антигитлеровские настроения могли привести к тому, что восстание вспыхнуло бы стихийно, тогда АК не имела бы не него никакого влияния. (Весной 1944г. анализ ситуации, сделанный руководством АК, определил, что ряды ППР растут быстрее, чем «лондонские». И что при отсутствии у АК активности и радикальных социальных лозунгов – массы в момент освобождения пойдут за ППР.)

Взрывоопасную ситуацию в городе признавали и связные ППР —Армии людовой Ева и Елена (М. Бальцежек и Е. Яворская), переплывшие 10 сентября 1944 г. на правый берег Вислы. Подогревалась она и приказом гитлеровцев от 27 июля о мобилизации 100 тыс. мужчин на строительство укреплений, который был проигнорирован населением. Сталин даже впоследствии решил, что это основной посыл идти на баррикады: все равно погибать пришлось бы от пуль гитлеровцев. Как сообщили Ева и Елена, в конце июля все считали, что освобождение Варшавы наступит скоро. Военные организации объявили боевую готовность.

Окулицкий утверждал, что в ответ на обвинение АК Советским Союзом в бездействии нужен был поступок, иначе советские обвинения в глазах мира получили бы основание и подтверждение.«Важнейшим центром АК была Варшава», и там надо было дать бой. Среди причин он даже нашел такую, что восстание – помощь РККА. Командующий АК Бур-Коморовский не согласен с теорией стихийности и какого-либо влияния призывов московского радио (27 и 29 июля). По словам Бура в интервью 1965 г., они не оказали никакого воздействия на принятие решения и служили только доказательством серьезности намерения Советов взять Варшаву. К тому же о передачах московского радио в Варшаве узнали в середине августа, через две недели после их выхода в эфир. И узнали из Лондона. Бур подчеркивал дисциплину АК: восстание было начато по приказу и закончено по приказу, никакой стихийности не было и быть не могло. Уточняя позицию АК, английский историк польского происхождения Я.М.Чехановский, мальчишкой участвовавший в восстании, при Я. К. Заводном задал Буру вопрос,

что бы стало, если бы генерал К. Сосновский запретил восстание в Варшаве. Ответ: «То мы бы его не начали. Приказ был бы выполнен. Никакой спонтанности»/185/. А если бы к восстанию призвал Берлинг, то они бы его «парализовали» – обещал Бур Миколайчику. О том же – верности приказам и их беспрекословному исполнению— говорили Заводному работники штаба АК более низкого ранга. Подобное утверждал и Пельчинский, призывы советского радио (фактически – Радиостанции им. Костюшко СПП) не оказали никакого влияния. Тем более что все принципиальные решения были приняты до этих призывов. Он вспоминал, что уже 25 июля «Бур разговаривал с делегатом правительства, со мной (т. е. Пельчинским –) и Окулицким, что Варшава должна быть освобождена польскими руками». *В. П.*

Мемуаристы из АК избегают упоминания о том, что немецкое командование демонстративно провело танковые колонны через Варшаву на фронт. Или противоречат сами себе. Так, Пужак в мемуарах, опубликованных на Западе, вспоминал, что 1 августа в 15 часов он, Бур и Пельчинский стояли на крыше своей «ставки» и пытались «визуально» и «акустически» выяснить, что происходит в городе. Железобетонные стены фабрики Камлера не пропускали радиоволн (что привело к смене квартиры), а связные не появлялись. Их насторожила тишина с ночи, отсутствие звуков сражения. Рассуждали, что это: слом советского наступления? Это не помешало Пужаку впоследствии, обвиняя Красную армию, утверждать, что она сознательно задержала наступление и фронт затих после начала восстания/186/.

В руководстве подполья и в командовании АК не было единства, начинать ли восстание. Мнения разделились. Голос главы краевого правительства Я.С.Янковского, которого Окулицкий перетянул на свою сторону, определил, что командующий АК издал приказ о восстании (версия Окулицкого). Согласие РЕН на восстание имелось. Дата выступления была назначена на 17 часов 1 августа. На подготовку менее суток, учитывая, что с 20 часов наступал комендантский час. Это было 31 августа, примерно в 18 часов. Так в злосчастный понедельник на Паньской улице, 16 было принято роковое решение о судьбе города и его жителей.

Черчилль срочно сочинил для Сталина легенду, что восстание— «это помощь вашим операциям». Дескать, повстанцы сдерживают полторы дивизии немцев. А немцы по сусекам срочно искали силы для противостояния восставшим— все резервы были брошены против Красной армии. Сталин же и советские военные, что в 1944 г., что позже, были убеждены, что действия Бура иАК осложнили положение Красной армии на самом важном участке советско-германского фронта.

Объявленная военная цель восстания (по приказу Бура, вроде бы в рамках акции «Бужа») – антигитлеровская— освобождение Варшавы от нацистских оккупантов. Политических целей было две. Первая— установление власти в столице до вступления в город Красной армии и ее союзницы – 1-й польской армии. Вернее, даже вступления 1-й польской армии. Сталин обещал Сикорскому в 1941 г., а Андерсу – в 1942 г., что при освобождении Польши Красной армией первыми в Варшаву войдут польские части. Л. Окулицкий присутствовал при этом заявлении в Кремле. Это же обещание было повторено командованию 1-й польской армии. (Население и солдат АК обманули. Бур в первом воззвании заявил, что действия АК с Москвой согласованы.) Вторая политическая цель— демонстрация против Москвы. Стремление не пустить Красную армию в город, в Европу. Осуществить «чудо на Висле», как в 1920 г. – цель откровенно антисоветская. Эта сторона в ходе восстания все более выступала на первый план. В военно-оперативном отношении момент восстания был выбран неблагоприятный— на исходе наступательного порыва войск 1 БФ. Все серьезные исследователи истории восстания сходятся во мнении, что командование АК уже знало об изменениях на фронте. Однако политические интересы возобладали над военными соображениями. Рокоссовский говорил Верту: «Восстание имело бы смысл только в том случае, если бы мы были готовы уже вступить в Варшаву. Подобной готовности у нас не было ни на одном из этапов. Учтите, что у нас за плечами два месяца непрерывных боев. Мы освободили Белоруссию, почти четвертую часть Польши;

но ведь и Красная армия может временами уставать». Рокоссовский резюмировал в мемуарах: как будто специально был выбран момент, чтобы потерпеть поражение/187/.

Миколайчик в речи по радио 11 августа 1944 г. утверждал противоположное: «Борьбу вы начали в соответствующее время во имя идеалов свободы и независимости»/188; Rzeczpospolita Polska, 15.08.1944/. Генерал Кукель говорил, что, узнав о восстании, англичане остолбенели.

Журнал боевых действий 9-й армии вермахта, стоявшей вокруг Варшавы, 1 августа спокойно отметил: «Ожидаемое восстание поляков началось в 17 часов». Узнав о восстании в 17:30, Гиммлер тут же сообщил о нем Гитлеру. Фюрер без промедления издал приказ убивать всех жителей, пленных не брать. Варшава должна быть сровнена с землей, и таким образом должен быть создан устрашающий пример для всей Европы/258/. Через час после начала восстания Гиммлер вызвал части СС и полиции из Познани и отдал приказ скомпрометировать всех членов АК, с которыми гитлеровцы вели разговоры о совместной борьбе против большевиков, и расстрелять. Говорят, тогда была решена судьба С. Грота-Ровецкого и, судя по дате, —Ю. Спыхальского (Краковского). В эти же дни погибли Финдер и Форнальская.

Восстание не могло иметь эффекта неожиданности. Гитлеровцы знали даже час его начала. В Варшаве в 16 часов 1 августа полиция безопасности объявила по команде о приведении в полную боевую готовность своих рядов. Между 16 и 17 часами в разных частях города начались перестрелки. Во многих местах появились баррикады. В 20 часов командующий военным гарнизоном Варшавы, комендант Варшавы генерал Райнер Штагель объявил через громкоговорители по-польски и по-немецки: «С настоящего момента я объявляю в городе Варшава осадное положение. По гражданским лицам, которые будут появляться на улицах, будет открываться огонь. Здания и сооружения, из которых по германским гражданам будет вестись стрельба, будут немедленно стерты с лица земли».

Концепция восстания по теории двух врагов сказалась на характере боевых операций. Вместо захвата стратегических объектов, позиций, которые могли бы помочь Красной армии войти в Варшаву —мостов через Вислу, ее набережных, вокзалов, аэродромов, линий связи – ринулись занимать здания Сейма, министерств, ратушу, монетный двор – резиденции для вышедших из подполья органов «подпольного государства», чтобы «занять наиболее репрезентативные здания и создать весь фасон государства», – писал Окулицкий Буру 6 августа. При таких условиях естественно, что о восстании заранее не было сообщено советскому правительству и командованию советских войск. В связи с политическими целями восстания не были поставлены в известность о нем и польские демократические силы (ППР, АЛ, ПАЛ и другие). ЦК ППР считал, что для восстания нет условий. А ставшую ему известной подготовку к восстанию объявил пропагандистским трюком. В это время ЦК ППР и АЛ вели переговоры с Корпусом безопасности, «лондонской» организацией, и 26 июля подписали с ним соглашение, по которому тот признал КРН и ПКНО политическим представительством польского народа.

Опубликованные документы подтверждают, что АК готовила восстание в секрете от других групп подполья. Информатор С. Замбицкий, имевший связи в ЦК ППР, сообщал немецкой полиции безопасности, что«это не ППР организовала восстание». ППР была против выступления с неизбежным трагическим финалом и не призывала к нему. По немецким сведениям, не было и намеков на призывы из Москвы. Все шло из Лондона и было направлено в первую очередь против СССР и Красной армии. /Варшавское восстание – 2007/.

Отмена выступления АК на 25 – 27 июля 1944г. (один из вариантов начала восстания) позволила беспрепятственно пройти танковым дивизиям вермахта через Варшаву к Воломину и Радзимину для поддержания разваливавшегося фронта. Но проведенная до начала восстания переброска на фронт всех возможных сил из Варшавы позволила повстанцам в первые дни захватить значительную часть города. В литературе называют цифры от половины до трех четвертей ее территории, но не в одной компактной массе.

Чтобы предотвратить распространение повстанческих действий на другие города и местности 6 августа гитлеровские власти издали приказ об аресте в крупных городах— Кракове, Радоме, Ченстохове – по 10 тыс. человек. Если произойдут там восстания, немедленно расстрелять всех заложников. Так, в Кракове схватили 8 тыс. молодых мужчин. Вокруг Варшавы расставили кордоны и не давали возможности «провинциальным» отрядам АК прийти на помощь восставшим. Литература отмечает всего два факта. Да отряды АК и не очень спешили— территория досталась бы ППР и Армии людовой. В воспоминаниях бойцов АЛ о восстании есть упоминание, что в Старом городе были представители АЛ из Келецко-Радомского округа, присланные на помощь варшавянам. Подробности отсутствуют. Есть донесение разведывательного отдела 9-й армии вермахта в штаб группы армий «Центр», что получены сведения о концентрации в 12 км в лесах на юго-восток от Праги «коммунистических бандитов и партизан». Очевидно, хорошо вооруженных, коль осведомитель сообщал, что у них есть даже танки. Эта группировка намеревалась 8 августа атаковать Варшаву с востока. К сожалению, проблема помощи Армии людовой повстанцам в Варшаве не разработана.

Количество повстанцев в Варшаве у разных авторов называется различное. И дело не всегда в злом умысле, а по крайней мере в трех степенях исчисления. Первый— общее количество лиц, вовлеченных в повстанческий процесс. Это одна величина, и она равняется 40 – 50 тыс. Вторая— численность отрядов Армии Крайовой в Варшаве. Но и эта величина не определяет число бойцов на баррикадах и крышах домов. Это «лист ожидания» на получение оружия. И наконец, третья величина— число вооруженных бойцов из АК и других вооруженных групп, непосредственно вышедших на бой. Вот здесь кроется специальный подсчет, связанный с политическими пристрастиями исследователей. Будущий академик и президент Академии наук ПНР А. Гейштор (1916 – 1999), тогда аспирант подпольного вуза, а по совместительству – сведущий в делах АК работник ее системы информации, в работе о Варшавском восстании сообщал, что 1 августа выступило 600 взводов или примерно 41 тыс. человек. Из них только 100 взводов было вооружено. АЛ дала 800 человек, Корпус безопасности— 600 человек. (Известно, что отряды АЛ ушли на восток из города. Ее арсеналы оружия в городе оказались в расположении гитлеровцев, а рации остались в предместьях.) Заметим, что историк Гейштор писал свой труд, сидя в лагере пленным после восстания, и посчитал во взводах большее число лиц, чем сообщал в Лондон командующий АК. Он же сообщил меньшее число бойцов из АЛ. В современной историографии эта тенденция расцвела. Например, издатели «Тайного облика ГЛ-АЛ-ППР» заявляют, что численность рядов АЛ надо уменьшить в четыре раза. Основание— в мае 1944г. в АЛ в Варшаве после ухода части отрядов «до партызантки» осталось 342 бойца АЛ. Р. Назаревич, сообщивший об этом, приводит иную статистику, основанную на мобилизации сил в ходе восстания. Один из руководителей АК Кирхмайер в 50-е годы писал в капитальном труде о Варшавском восстании, получившем многочисленные переиздания, о 15 тыс. бойцов, из которых 3,5 тыс. было вооружено только легким оружием, против регулярных войск, полиции и жандармерии, против танков, в том числе самоходных «Голиафов», артиллерии и авиации, ракетного оружия разных типов. Силы повстанцев в Варшаве по Т. Стембошу с учетом расхождений в данных: АК, главное командование, полк «Башта» – 2 200 человек, группировка «Родослава» – 2 300, Варшавский округ – 24 600, Организация харцеров – 1 100, Корпус безопасности – 700, АЛ – 550 (800; сведения Назаревича – 1 800, кроме того, 600 человек осталось в Праге, рост рядов за счет резерва и вступления членов ППР и РППС), ПАЛ – 300 (500), Боевая организация синдикалистов – до 1 000, Милиция ППС-ВРН – несколько сотен, Паньствовы (Государственный) корпус безопасности – несколько сотен, НСЗ— более 1 000 человек, что в общей сложности дает по Стембошу 34 140 плюс несколько сотен человек. Неясен учет Варшавского округа: он же вне Варшавы, которую гитлеровцы взяли в практически непроходимое кольцо. Из округа удалось вначале проскользнуть всего около 2,5 тыс. бойцам АК. Оружие было: 7 тяжелых пулеметов, 60 ручных, 20 противо-

танковых ружей, 1000 карабинов, 300 автоматов (треть собственного производства), 25 тыс. гранат (95% собственного производства), примерно 1 750 пистолетов. Были бутылки с зажигательной смесью. Некоторое количество взрывчатки. Но крайне мало патронов. Подспорьем было оружие, захваченное в бою. В числе трофеев были танки. Фольклор называет от 2 до 10.

Восставшие встретили немало трудностей. Короткий срок подготовки вызвал определенный хаос и нестыковки. Не до всех дошел приказ, что обусловило первоначальную малочисленность выступивших (1,5 —2,5 тыс. человек или до 4 тыс.). Возвращение части отрядов в город и присоединение других организаций увеличило численность сражавшихся до 15 или 25 тыс. Всего число обеспечиваемых в АК продовольствием достигало 40 тыс. После включения других организаций называют даже цифру до 55 тыс. человек/259/. Или другое исчисление— через ряды повстанцев прошло 47 тыс. человек.

Первые четыре дня восстания характеризовались наступательными действиями восставших. Напомним, что в эти дни шли ожесточенные бои танковых сил Красной армии и вермахта: гитлеровцам, по сути, было не до восставших, а подкрепления из других местностей еще не прибыли. Но выступление в Праге немцы немедленно подавили, чтобы не было подхода к мостам через Вислу. С 5 августа положение стало меняться. Повстанцы вынуждены были перейти к обороне.

Второй трудностью была нехватка оружия и боеприпасов. Считается, что первоначально на 3,5тыс. единиц оружия патронов было на несколько дней. Руководству восстанием удалось создать производство и ремонт вооружения, медицинскую помощь сражавшимся на баррикадах, связь, прессу. Повстанческие издания всех направлений стали открыто распространяться в захваченных районах. В Варшаве издавались 32 газеты, к концу осталось 10. Они были почти единственным источником информации о происходившем в городе. Хотя была налажена работа радио, принимать его передачи могли немногие —те, кто с риском для жизни не сдал радиоприемники. Во многом радио было рассчитано на Запад. Недаром прошли 122 передачи на польском языке и 77 – на английском.

Восстание военные историки делят на три периода: 1 – 4 августа 1944 г. – наступательный, 5 августа —2 сентября – активная оборона,3 сентября— 2 октября – оборона, чтобы выстоять, отступление с боями. Еще классики определили, что в восстании оборона смерти подобна.

«Немецкие материалы к истории Варшавского восстания» утверждают, что выступление начали 2 – 3 тыс. плохо вооруженных, но хорошо организованных кадровых групп, имевших резерв в 5 – 10 тыс. человек. Планы и цели восставших немецкому командованию представлялись следующим образом: захват центра города и добыча оружия, овладение административными зданиями, телефонной связью, изоляция полицейских отделений, захват развилок городских магистралей, обеспечение района расположения руководства восстанием. Замечена была тактика повстанцев, наносившая ощутимый урон гитлеровцам: стреляли сверху, с верхних этажей зданий, даже башен костелов, по пристрелянным целям. В результате число убитых гитлеровцев превосходило число раненых/159; 189/.

О самих повстанцах германская контрразведка сообщала: «Повстанцы вербуются преимущественно из лиц в возрасте до 25лет, в то время как люди старшего возраста с большим жизненным опытом почти совсем отсутствуют. Интеллигенция большей частью уже сбежала». «АК включает в себя главным образом национальную молодежь высшего круга. Она видит свою задачу в обучении, вооружении и подготовке к национальному восстанию»/159/. Косвенным свидетельством служит то, что одним из первых погибших 1 августа был сын бывшего премьер-министра Польши и маршалка Сейма Яцек Свитальский. Или: смертельную рану получила Данута —Кристина Крахельская, певица и композитор (1914 – 1944), та самая, что была моделью для «Сирены» – символа Варшавы. (К слову, монумент этот гитлеровцы демонтиро-

вали и увезли.) Считают, что в первый день погибло около 2 тыс. повстанцев. АК лишилась половины своего оружия.

С 4 августа начались бомбардировки города. Всего «Юнкерсы» и «Мессершмитты» совершили 2 612 налетов и сбросили 1 580 т бомб. Гитлеровцы в ходе боев получали подкрепления. Но силы их сократились с 21 282 человека на 28.08.1944 до 15 749 на 01.10.1944. С 5 августа появился полк Дирлевангера, состоявший в основном из освобожденных из тюрем немецких криминалистов. С 9 августа началась очередная гитлеровская антисоветская провокация. Против варшавян бросили сводный полк РОНА – Русской освободительной народной армии из бригады новоявленного гестаповца Б. Каминского, формирования «восточных мусульман», украинский легион самозащиты. 13 августа в Варшаву прибыл специалист по подавлению партизанского движения и вооружившегося гражданского населения генерал Эрих фон дем Бах-Зелевский, кузен Бура-Коморовского, деливший с ним одну бабушку на двоих. В Варшаве он пользовался только частью фамилии – Бах.

Генерал Бах избрал тактику «наведения мостов» с поляками, определенного заигрывания с командованием АК. Он не применял приказ Гитлера о расстреле всех варшавян поголовно. Расстреливали «только» взятых с оружием или принятых за повстанцев. Пленных практически не было. Из появлявшихся на улицах гражданских Бах приказал расстреливать только мужчин. Население генерал считал нужным выселить из города. В городе были распространены немецкие листовки с призывом о выходе гражданского населения. Устраивались обмены парламентерами и прекращение огня на отдельных участках. Немецкое командование сообщало, что повстанцы разрешали уходить женщинам и детям и задерживали мужчин. На первый раз ушло, говорят, около 25 тыс.

Скоро гитлеровцы пришли к выводу, что восстание более грозное, чем сначала можно было предположить. 17 августа в первый раз Бах предложил начать переговоры о капитуляции на выгодных для повстанцев условиях. Ожесточенное сопротивление повстанцев продолжалось. Характерная деталь тактики гитлеровцев – усиление разжигания в Польше антисоветских и антирусских настроений, фабрикация фальшивых речей и приказов Сталина, в том числе якобы о прекращении наступления Красной армии на Варшаву/191/. Фальшивки эти, очень искусно и тонко сделанные, до наших дней фигурируют в работах исследователей. Даже таких солидных, как труд английского историка Н. Дэвиса о Варшавском восстании/192/

После подавления выступления АК в Праге восстание продолжалось только на левой стороне Вислы. Сосчитать точно численность населения в левобережной Варшаве (сколько его осталось), естественно, невозможно. Скорее по итогам восстания его определяют от 720 до 820 тыс. По совместным советско-польским публикациям документов взаимоотношения АК с городом, с гражданским населением в ходе восстания предстают в нелакированном свете. Единство всего населения с повстанцами – это миф, созданный в послевоенное время пропагандой оппозиции в противовес власти ППР-ПОРП, гениальными фильмами Вайды да грезами о молодости участников событий. Документы сообщают, что когда АК начала восстание, «масса населения и все духовенство были ошеломлены». Поэтому из гражданского населения в ряды повстанцев пришло «добровольцев очень мало». Для строительства баррикад приходилось использовать принуждение, а при размещении отрядов АК «в качестве мест расквартирования использовались частные дома. Мы подвергали террору пребывающее в них польское гражданское население, чтобы оно нас не выдало», – сообщал повстанец Т. Будзиновский. «Банды держатся почти исключительно благодаря террору», —докладывал информатор гестапо М. Волк. 6 августа разведотдел 9-й немецкой армии сообщал в штаб армий «Центр»: «Из перехваченных радиопереговоров между поляками командирам удалось выяснить следующее: настроение повстанцев в связи с обстоятельством, что большевики без интереса отнеслись к восстанию, плохое. В связи с налетами авиации и использованием танков, а также радикальными акциями немцев по очистке, население находится в подавленном состоянии. Оно боится

украинских добровольцев. Замечено, что бóльшая часть населения симпатизирует немцам». Последнее утверждение трудно принять. В первые же дни восстания головорезы Дирлевангера и Рейнефарта убили десятки тысяч варшавян. Только на рабочей Воле – за несколько дней более 35 (50 – 60) тыс. человек. Рейнефарт жаловался на недостаток патронов: «Что делать с цивилями? У меня меньше патронов, чем задержанных». Факты поддержки немцев были. Но одно дело сотрудничество, другое – помощь пострадавшим в бою, когда трудно было различить— человеческое сострадание раненому или политическая позиция?

Гитлеровская разведка доносила по команде 2 августа: «Наши потери и потери противника значительны». 5 августа: «При этих действиях при прочесывании было расстреляно много гражданских лиц, задержанных с оружием». «Восставшие продолжают сражаться упорно и ожесточенно, снижения духа сопротивления не отмечено». «Восставшие находятся под руководством обученных командиров». Положение в разных районах города также было различным. 6 августа тот же разведотдел сообщал: «Вопреки сопротивлению, имеющему место в центре города, в окрестностях Восточной дороги— угол Курт Люкштрассе-Фельдхерр Альце /Пулавская улица/– район стадиона вермахта (где почти исключительно проживает рабочее население) стоит полное спокойствие и можно свободно ходить по улицам». «Обеспечение населения продовольствием плохое, есть только хлеб. Окраины города немного снабжает продовольствием сельское население». «В Праге создается впечатление, что осадное положение на нее не распространяется. Продолжается, хоть и ограниченное, движение по улицам. Царит полное спокойствие». Своеобразное положение было на Жолибоже. Там довольно долго не было наземных боев, а «только» бомбардировки да непрерывный контроль попыток пробиться через мост над ж/д путями, который отделял этот район от центра города. «На основании приказа от 1 августа 1944г. (Бура о подходе отрядов АК на помощь Варшаве –) продолжается проникновение молодых людей из прилегающей местности для поддержки повстанцев в Варшаву, но переход черты города в связи с немецкими заградительными мерами становится все труднее». Такова была картина 6 августа глазами немцев/159/. *В. П.*

Население, первоначально благожелательное или нейтральное к восставшим, постепенно становилось все более нетерпимым. Н. Дэвис тоже отвергает послевоенные легенды о едином взрыве варшавян в восстании. Он пишет, что гражданское население испытывало большие колебания в зависимости от ситуации: «Вопреки позднейшим легендам, гражданское население не поддерживало восстание с одинаковым энтузиазмом. Можно сказать, что большинство жителей Варшавы имело ощущение, что повстанцы борются за общее дело. Однако значительная часть держалась отстраненно, далеко, стараясь просто выжить. И как всегда, существовали группы и одиночки, составлявшие оппозицию… В эффекте настроения среди гражданского населения поддавались значительным колебаниям. В зависимости от ситуации»/192/. Так что население было разное и в разных ситуациях вело себя по-разному.

О восстании в европейской прессе обширных сведений не было. Гитлеровцы сообщили о восстании —«сатанинском деле» – только 15 августа. И во второй раз —что восстание подавлено («пало») – 3октября. Битва, характер и цели которой чужды понятиям англичан, как написал Н. Дэвис, мало интересовала британскую прессу. Черчилль, решивший нажить на восстании политический капитал, упрекал в этом министра информации Б. Брэкена. Тот оправдывался, что его соотечественников интересуют сообщения из Нормандии, действия союзных войск против вермахта, а не Варшава. Советская печать перепечатывала без комментариев скупые строки из англо-американской прессы или отчеты о конференции М. Роли-Жимерского да интервью Верта.

Неделя восстания —срок, на который как наибольший рассчитывали организаторы, закончилась патом. Армия крайова город не захватила. Немцы восстание не подавили. В городе гибло больше гражданских, мирных жителей, чем боевиков. Оккупанты стягивали новые силы.

Неофициальные сведения о восстании советское руководство узнало 2 августа. Официальные— ночью 3 августа от английской военной миссии. Восприняли их в Союзе как нечто нереальное. Особенно явно и открыто это было выражено в Союзе польских патриотов. В. Василевская вообще пыталась отрицать факт восстания.

Советская сторона в ответ на послание Черчилля от 4 августа («Это восстание может быть помощью вашим операциям») встало на точку зрения, что восстание, начатое преждевременно, не имеет для СССР военного значения, более того —составляет источник дополнительных трудностей для Красной армии, привлекая к Варшаве пристальное внимание командования вермахта/265/. Сталин отнесся к восстанию резко отрицательно. Факт провозглашения восстания он оценил как безрассудную авантюру. «Никакое правительство в мире, ни английское, ни американское, не может мириться с тем, чтобы перед фронтом его войск было организовано восстание без ведома этого командования и вопреки его оперативным планам»/193/. И, судя по встрече Миколайчика 3 августа, Сталин сразу определил антисоветскую направленность восстания и его задачу – укрепить позиции польского премьера. Он встретил Миколайчика вопросом: «Вы это специально сделали?»

5.24. Визит Миколайчика в Москву (30 июля – 9 августа 1944 г.)

Миколайчик прилетел в Москву 30 июля в сопровождении С. Грабского, председателя Рады народовой, и Т. Ромера, министра иностранных дел, бывшего посла Польши в СССР. На протокольном визите у Молотова 31 августа он пытался позиционировать себя как лицо, которое «имеет за собой почти все население Польши» и стремится заложить основы дружественного сотрудничества между Польшей и Советским Союзом. Сталину, как главному большевику, он представился как крестьянин и рабочий, который сам себя сделал и собственными усилиями всего достиг. Он чувствовал себя на коне (до Варшавы 10 км!). В дневнике Молотова о беседе с Миколайчиком процитированы его слова: «Польское правительство осуществляет сейчас накопление сил для содействия в решающий момент советским войскам в их борьбе с немцами. План действий поляков разработан польским правительством совместно с генералом Табором (псевдоним Татара —) …и предложен английскому правительству. Еще в сентябре-октябре прошлого года все вооруженные силы Польши получили приказ о том, чтобы они вели борьбу совместно с советскими вооруженными силами… Это уже осуществляется». Молотов возразил, что у него «есть сведения не совсем такого порядка». Миколайчик ответил уклончиво: «У польского правительства есть план, предусматривающий мобилизацию всех сил на борьбу с немцами». Но умолчал, что дал приказ о восстании в Варшаве и ожидал его начала (планы генерального восстания еще «обдумывают»), и лишь просил о бомбардировке аэродромов около Варшавы. Молотов предложил урегулировать все вопросы с ПКНО. Советская сторона стремилась сделать ПКНО субъектом переговоров и свести процесс создания единого правительства к польско-польским договоренностям. Только после четвертого «повтора» Миколайчик согласился встретиться с представителями КРН-ПКНО/266/. Хотя в тот же день, 31 июля, до приема у Молотова, английский посол уговаривал польского премьера отбросить гонор и для достижения положительных результатов от визита в Москву принять советские требования: убрать из правительства антисоветски и реакционно настроенных министров, согласиться на границы по «линии Керзона», отказаться от утверждений, что Катынь —дело русских, и наконец, достичь рабочей договоренности с ПКНО/192/. *В. П.*

В день первой встречи с Миколайчиком, 3 августа, Сталин (генштаб) уже официально получил донесение английской стороны о восстании в Варшаве. Документ английской миссии поступил 03.08.1944 в 1час10 минут. Перевод был сделан в тот же день (АВП РФ, дело НКО). Неофициально – Молотов признал, что донесение было получено 2 августа по радио из телеграммы агентства «Рейтер». Кроме того, исоветские летчики заметили «странную стрельбу» в городе, и командование фронта начало выяснять, что происходит в Варшаве. О восстании АК английское посольство сообщило и Миколайчику. Причина и направленность восстания сразу была понятна советской стороне. И сразу Сталин высказал Миколайчику сомнение в его успехе: «Я слышал, что польское правительство приказало этим отрядам изгнать немцев из Варшавы. Не могу себе представить, каким образом они это сделают. Они не имеют для этого сил». Миколайчик, судя по его заявлению «Варшава будет свободна со дня на день», не знал, что ситуация под Варшавой изменилась и советские части отступили. Сталин, зная положение на фронте, взывал только к Богу: «Дай Бог, чтобы это было так!»

Миколайчик хотел обсудить пять проблем: 1) о совместных действиях против немцев во время войны и после нее, чтобы германцы никогда не могли начать новой войны; 2) дополнить соглашение 1941 г. соглашением об администрации в Польше на освобожденных территориях, признав, что после соглашений с ПКНО это стало не столь актуальным; 3) узнать мнение Кремля о советско-польской границе;4) представить проект реорганизации польского правительства после освобождения Варшавы по принципу 4+1;наконец, 5) сообщить, что 1 августа

польская подпольная армия начала открытую борьбу против немцев в Варшаве, и когда советские войска войдут в Варшаву, к ним явятся заместитель премьер-министра и комендант подпольной армии, которые занимаются вопросами администрации в Польше, добавив, что он, Миколайчик, «уверен, что этим лицам советские власти не причинят никакого вреда». Последующие переговоры в Москве на разных уровнях показали, что польский премьер чрезвычайно озабочен проблемой Армии крайовой и непременно хочет просить дать указание, чтобы советские войска оказывали содействие внутренней польской армии (АК) с тем, чтобы она на равных с Красной армией могла продолжать свою борьбу против немцев. Сталин тоже подготовился «по вопросу АК». 3 августа он получил от Берии подробнейшую докладную записку о ходе операций по разоружению АК, положении в освобожденных районах, вопросах мобилизации в армию Берлинга, настроениях населения, межнациональных противоречиях в освобожденных районах, в частности в районе Вильнюса, и о многих других сложных и актуальных польских проблемах. Сам же Миколайчик заявлял, что хочет как можно быстрее выехать в Польшу и создать там правительство по принципу: четыре партии «лондонцев» и пятая – ППР и/или коммунисты, соответственно, с правом на 20% голосов.

Получалось, что Миколайчик ставил условием нормализации польско-советских дипломатических отношений сотрудничество АК с Красной армией и признание подпольных делегатур правительства административными органами освобожденной Польши, то есть согласие СССР на установление в Польше власти эмигрантского правительства. Сталин не признал АК подпольной армией, комбатантами, поскольку она ведет борьбу не только против немцев, но и против Красной армии, не признал возможности ее взаимодействия с Красной армией. АК не имеет и соответствующего вооружения. «В современной войне такая армия не имеет никакого значения. Это небольшие партизанские отряды, а не регулярные формирования». В посланиях Черчиллю он оспорил результаты действий АК в Вильно, в Варшаве счел их преувеличенными и, по сути, обреченными на провал: «Не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой немцы выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию „Герман Геринг“»/193/. Факты мобилизации по акции «Бужа» Сталин назвал легкомысленным и небезопасным безрассудством неумных людей и предупредил, что командование Красной армии будет их и впредь пресекать, не допустит акций АК в тылу действующей армии и политических убийств, дестабилизации тылов фронта. Он потребовал прекратить антисоветскую агитацию, что приход Красной армии в Польшу – это замена одной оккупации на другую, прекратить сравнивать его лично с Гитлером.

Основной задачей момента для Польши является создание объединенного польского правительства. Вопрос о создании единого правительства Сталин представил (для Миколайчика) как военную необходимость. Мы, заявил Сталин, не можем иметь дело с двумя правительствами. «Если будут существовать два польских правительства, две системы— то это может принести большой вред делу борьбы Красной армии с немцами». Как страна, воюющая с Германией на территории Польши, мы должны иметь спокойный тыл. Обеспечить его – дело польской стороны. Красной армии в Польше нужно одно правительство, одна система. Для этого Миколайчик должен договориться с ПКНО, с ним создать объединенное правительство из всех демократических партий. Ибо создание правительства – дело самих поляков. Решение, повторим, не может быть достигнуто без ПКНО, который осуществляет власть в стране. Миколайчик должен учитывать, что за время войны и оккупации в Польше выросли новые люди. Ссылки на старые авторитеты не имеют значения. Польша за четыре годы полевела, и нужно считаться с новыми авторитетами, с такими, как, в частности, Осубка-Моравский. Советское правительство, заявил Сталин, хотело бы, чтобы все истинно демократические польские партии создали единый блок как основу строительства нового государственного аппарата. Что касается советско-польских отношений, то Миколайчику напомнили, что СССР не признает эмигрантского правительства. В то же время советское правительство поддерживает отноше-

ния с ПКНО, с которым оно подписало ряд соглашений и которому помогает. В итоге Сталин, по сути дела, предъявил Миколайчику ультиматум. По советской записи переговоров, это звучало так: «Если польское правительство в Лондоне имеет намерения и считает целесообразным договориться с ПКНО и создать одно польское правительство, то советское правительство готово этому помочь. Если польское правительство считает это нежелательным, то советское правительство будет вынуждено сотрудничать с ПКНО». В вопросе о советско-польских границах Сталин отверг концепцию временной демаркационной линии, а линию границы определил на основе соглашения с ПКНО от 27 июля 1944г. и добавил, дав надежду лондонцу, что, как он думает, «этот вопрос нужно будет решить, когда будет существовать единое польское правительство».

Различное отношение к эмигрантскому правительству и ПКНО проявлялось и в советской печати, которая не сообщила о прибытии польского премьера, что очень обидело Миколайчика. Его настроение несколько поднялось, когда было сообщено о втором приеме его Сталиным. Берута же и сопровождавших его лиц привечали в Москве по чину почти большого протокола. И сразу же по приезде их привезли в Кремль. (Эмигрантская печать уверяла, что они находились в Москве.) Миколайчик ждал аудиенции более двух суток. Правда, надо было выяснить, что же происходит в Варшаве.

3 августа, через полчаса после того, как Миколайчик покинул кремлевский кабинет, туда вошли Василевская, Берия, Маленков и Хрущёв. Фактически это было уже 4 августа. Записи беседы нет, но догадаться, о чем шла речь, нетрудно: информация о встрече с Миколайчиком (Василевской предстоит с ним вести переговоры);положение в тылу советских войск и разоружение АК, в особенности в связи с событиями в Вильнюсе (адресатами докладной записки Берии были, кроме Сталина, Молотов, Маленков и Антонов; все, кроме Антонова, присутствовали);восстание в Варшаве (5 августа Черчиллю направляется послание о Варшаве и оспаривается заявление лондонцев, что Вильно освободила АК);Хрущёв —член политбюро ЦК ВКП (б);на Украине сложное «национальное наследство», польско-украинские проблемы после гитлеровской оккупации, территориальные претензии Украины. Возможно, шли разговоры об обмене населением, уже происходила «дикая» репатриация поляков из УССР. Советскому Союзу предстояло принять украинцев. (Соглашения об обмене населением между ПКНО и пограничными советскими республиками подписаны были 9 сентября 1944 г.) Надо выработать тактику дальнейших переговоров с «лондонцами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.